

Лингвистическая мысль средневековой Исландии: Первый грамматический трактат

© 2023

Дарья Сергеевна Глебова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; darsgleb@gmail.com

Денис Андреевич Голованенко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; dagolovanenko@edu.hse.ru

Аннотация: В данной статье предлагается публикация первого перевода на русский язык одного из самых ярких памятников древнеисландской лингвистической мысли XII столетия — так называемого Первого грамматического трактата. К переводу прилагается подробный комментарий и введение, призванное помочь читателю погрузиться в интеллектуальную культуру Исландии XII века, а также разобраться в основных терминах и понятиях трактата.

Ключевые слова: алфавит, древнеисландский язык, история лингвистики, лингвистика в Исландии, письменность, скандинавские языки, фонология

Благодарности: Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 21-04-066) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

Для цитирования: Глебова Д. С., Голованенко Д. А. Лингвистическая мысль средневековой Исландии: Первый грамматический трактат. *Вопросы языкознания*, 2023, 4: 129–156.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.129-156

Linguistic thought of Medieval Iceland: The First Grammatical Treatise

Daria S. Glebova

HSE University, Moscow, Russia; darsgleb@gmail.com

Denis A. Golovanenko

HSE University, Moscow, Russia; dagolovanenko@edu.hse.ru

Abstract: This article presents the Russian translation of the *First Grammatical Treatise*, one of the most fascinating examples of Medieval Icelandic linguistic thought. The translation is accompanied by a detailed commentary and an introductory note aimed to help the reader plunge into the intellectual culture of twelfth-century Iceland and understand better the terminology and concepts used in the treatise.

Keywords: alphabet, history of linguistics, linguistics in Iceland, Old Icelandic, phonology, Scandinavian, writing

Acknowledgements: The publication was prepared as a part of the Research No. 21-04-066 within the HSE Academic Fund Program in 2022.

For citation: Glebova D. S., Golovanenko D. A. Linguistic thought of Medieval Iceland: The First Grammatical Treatise. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 4: 129–156.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.129-156

Введение

Представляемый впервые русскоязычному читателю «Первый грамматический трактат» (далее в тексте — ПГТ) входит в число наиболее ярких памятников исландской ученой традиции XII в. С одной стороны, это замечательный образец исландской учености периода, который характеризуется, прежде всего, освоением письменной культуры и появлением живо развивающейся письменной традиции на родном языке, складывающейся одновременно под влиянием западноевропейских образцов и устных авторитетных текстов автохтонного происхождения. С другой стороны, это важный феномен средневековой лингвистической мысли, знаменитый тем, что он явно опережает свое время — в XX в., во время расцвета фонологических школ, автора трактата (далее в тексте — Грамматик) стали называть протофонологом.

ПГТ сохранился только в рукописи XIV в., Codex Wormianus¹, названной так в честь его владельца Оле Ворма (1588–1654), где с ним соседствует еще три грамматических трактата, которые называют Вторым (ВГТ), Третьим (ТГТ) и Четвертым (ЧГТ) по порядку записи в рукописи, а также «Эдда» Снорри Стурлусона, эддическая «Песнь о Риге» (*Rígsþula*) и «Флоkk о Марии» (*Máriuflokkr*). На сегодняшний день наиболее вероятным считается, что Codex Wormianus был составлен на севере Исландии, возможно в скриптории монастыря на Тинговых песках (*Dingeyrar*)². Предполагается, что отсюда же происходит и ЧГТ, входящий в состав манускрипта. До нас дошел также и Пятый грамматический трактат (ПяГТ), в единственной рукописи AM 748 1b 4to. Большая его часть явно утрачена, сохранившийся же фрагмент, подобно Третьему и Четвертому трактатам, обсуждает фигуры и приемы поэтической речи — правда, без ссылок на латинские авторитеты и не используя греко-латинскую терминологию. Авторы Первого, Второго, Четвертого и Пятого грамматических трактатов нам неизвестны, автором же Третьего грамматического трактата является Олав Тордарсон Белый Скальд (1210–1259), племянник Снорри Стурлусона³. Кроме трактатов из древнеисландских памятников грамматической традиции известен лишь один фрагмент латинской грамматики (AM 921 III 4to, ок. 1400 г., основана на «Ars minor» Доната) и несколько латинско-исландских глоссариев [НВ 1972: 21]⁴.

Текст ПГТ в Codex Wormianus записан одной рукой не позднее третьей четверти XIV в. [Ibid.: 17–18]. Это точно не оригинал, так как в тексте периодически встречаются типичные ошибки переписки, такие как пропуски строк; по мнению последнего и наиболее авторитетного издателя ПГТ, Хрейна Бенедиктссона, между Codex Wormianus и оригиналом ПГТ была как минимум одна копия [Ibid.: 22]. Точная датировка трактата невозможна, однако можно определить время *terminus post quem* — автор ПГТ упоминает запись законов, а также Ари Мудрого, который известен в первую очередь как автор «Книги об исландцах» (*Íslendingabók*; 1122–1132), а значит трактат мог быть написан не ранее ее составления. Кроме того, Грамматик вводит оригинальное обозначение сдвоенных согласных заглавной буквой — в других рукописях этот прием начинает использоваться только в последней трети XII в., поэтому можно предположить, что трактат написан раньше 1170 г. [НВ 1972: 28]. Вслед за Хрейном Бенедиктссоном, сейчас ПГТ датируют промежутком с 1125 по 1175 г. [Ibid.: 31].

¹ AM 242 fol., ок. 1340–1370 [Johansson 1997: 11–18].

² [Males 2020: 277]; подробнее о нарративной стратегии составителя рукописи см. [Males 2013].

³ Подробнее о ВГТ, ТГТ, ЧГТ и ПяГТ см. [Edda 1852: iv–249; IGL 1884: i–LXXXII; Кузьменко 1985б; Males 2020: 188–192, 277; Nordal 2001: 44–72; Finnur Jónsson 1924; Uppsala Edda 2012; Raschellà 1982; FGT 2014].

⁴ Библиография работ, посвященных ПГТ, представлена в [Raschellà 1983; 2007].

Первый грамматический трактат, поэтическая и ученая традиции Древней Исландии

Весьма примечательно, что во всех без исключения известных нам случаях грамматические трактаты сохраняются в тех же рукописях (уже упомянутый Codex Wormianus, DG 11 4to, AM 748 Ib 4to, AM 757 a 4to), где записана и «Эдда» Снорри Стурлусона, его знаменитое пособие для молодых поэтов и одновременно основной источник знаний о древнесеверной поэтической традиции, ее принципах, размерах, терминах и т. д. для современной аудитории⁵. Несмотря на порой кардинальные различия в редакциях «Эдды», трактаты всегда плотно соседствуют с ее разделами — «Языком поэзии» (*Skáldskaparmál*) или «Перечнем размеров» (*Háttatal*). Можно думать, это не совпадение, а результат уникальной интеллектуальной обстановки, возникшей в Исландии в XII в. С одной стороны, в Исландии глубоко укоренена традиция поэзии скальдов, ради сохранения и развития которой Снорри и создает свою «Эдду» — сложное устройство скальдических кеннингов требовало хорошего знания мифологических сюжетов⁶. Скальдическая поэзия славится своей жестко регламентированной формой, поддерживаемой главным образом за счет размера и аллитерации — соблюдение этой формы подразумевало особую степень рефлексии над фонологической стороной языка⁷ (подробнее см. далее). С другой стороны, к сер. XII в. в Исландии появляется система формального образования, действующая благодаря приезжим специалистам или получившим образование за рубежом исландцам, появляются «центры учености»: школы при епископствах в Холаре и Скальхольте, первые монастыри; на роль подобных «центров» могут претендовать и хутора некоторых выдающихся исландских родов — Одди, Хаукадаль, Рейкхольт [Джаксон 1993]. Возникновение этих новых школ становится возможным благодаря укоренению в Исландии христианских институтов, для поддержания и воспроизведения которых необходимо воспитание будущих клириков, умеющих читать и понимать священные тексты. Не ясно, насколько подготовка учеников соответствовала стандартному тривимуму и квадравиуму: чаще всего в источниках речь идет о базовых навыках — грамматике и музыке, необходимых для проведения литургии, а также об арифметике, необходимой для расчета пасхалий [Patzuk-Russel 2021: 67–209]. Таким образом, грамматика оказывается той точкой, где методы и прагматика нового образования пересекаются с глубоко традиционной исландской практикой, практикой поэтической речи, что отражается в том числе и в соседстве главного трактата о поэзии с грамматическими трактатами в известных нам компиляциях. Существенно, что «голос» континентальной грамматической традиции в пяти дошедших до нас трактатах неоднороден. Если ВГТ, ТГТ, ЧГТ, ПяГТ находятся с ней в явном диалоге, то ПГТ заметно выделяется на их фоне, так как в нем на первый план выходит автохтонное начало интеллектуальной культуры Древней Исландии — именно это делает этот памятник особенно примечательным.

В основе изучения грамматики лежит прежде всего понимание сущности букв и звуков и уяснение их соотношения, а также понимание структуры слова и синтаксических связей слов в предложении. Подобные задачи (в рамках орфографии и фонологии) ставит перед собой и автор ПГТ, но исходя при этом в первую очередь из опыта скальдов. Так, рассуждая о дифтонгических сочетаниях⁸, Грамматик делает следующее заявление: *Skald er*

⁵ Как отмечает Хрейн Бенедиктссон, трактаты могли начать включаться в рукописи с «Эддой» в XIV в., что отвечает компилятивной тенденции этого времени, хотя связь между этими текстами могла появиться уже в XIII в. [НВ 1972: 21].

⁶ Общую информацию об устройстве скальдической поэзии и о кеннингах можно почерпнуть, например, в [Стеблин-Каменский 1979: 77–130].

⁷ Ср. [Смирницкая 2008 (1982): 220; Кузьменко 2013].

⁸ О дифтонгах в ПГТ см. [Кузьменко 19856: 86].

hofundar allrar rynni eða máálf greinar sem smiðir [smiðar] eða loqmenn laga — «Скальды обладают авторитетом во всяком письме (*rynni*) и устройении речи (*máálfgreinar*) так же, как ремесленники [в ремесле] или законоговорители — в законах» (с. 147) — и сразу же переходит к объяснению дифтонга [ja] на примере полустрофы Оттара Черного⁹. Автора трактата в этом месте интересуют ситуации, в которых гласная фактически выполняет функции согласной, и в качестве одного из примеров такого превращения он приводит скальдическую полустрофу:

Hofðu hart of krafðir
Hillðr ox við þat skildir
Gang en gamler þrungru
Gunn þingf éärn hringar

Грамматик сетует на то, что часто бывает трудно различить звук, который производит гласная, стоящая на месте согласной, потому что «этот звук сокращается и почти смешивается или срастается с той гласной буквой, с которой соседствует» (с. 147); для того же, чтобы выяснить, какой все-таки звук она производит, необходимо найти пример такой речи, где разделение звуков происходит яснее всего — поэтической речи (см. приведенную выше строфу). В нормальных условиях каждый стих строфы, написанной размером дротткветт, состоит из шести слогов, однако последний стих процитированной выше строфы состоял бы только из пяти, если бы ее автор, Оттар Черный, не воспользовался одной из доступных скальду поэтических вольностей — не разложил бы слово *járn* (железо) на два слога: *éärn*¹⁰, — благодаря чему становится понятно, что это слово начинается с «е».

В сущности, автор ПГТ берет на вооружение метод, используемый скальдами в их поэзии на протяжении уже многих сотен лет. Скальдические размеры предьявляли крайне строгие требования к соблюдению аллитерации и других правил построения висы, служивших не только украшением стиха, но и наиболее важным его структурным элементом. Племянник Снорри Олав Белый Скальд, автор ТГТ, своим известным выражением сравнивает аллитерацию с гвоздями, скрепляющими доски корабля, т. е. северной поэзии [IGL 1884: 24–25]. Скальду необходимо было держать в голове и массу правил, регламентирующих построение внутренних рифм, хендингов, которые также участвуют в корабельной метафоре Олава: они подобны брусу, удерживающему борта [Ibid.]. В четных строках дротткветтной строфы должны находиться неполные рифмы, скотхендинги, в которых различаются корневые гласные, но совпадает заударная консонантная группа (*hofðu* — *krafðir*); в четных строках располагаются полные рифмы, адальхендинги, в которых совпадают и гласные, и консонантные группы (*gunnþings* — *éarnhringar*). Диахронический анализ употребления хендингов показывает, во-первых, что скальды определенно осмыслили морфемный и просодический состав рифмующихся слов (должны ли, к примеру, участвовать в рифме флексии и в каких случаях, могут ли долгие гласные рифмоваться с краткими), а во-вторых — что требования к качеству созвучий, особенно адальхендингов, с течением времени росли: если в IX в. Браги еще мог позволить себе изредка заменить полную рифму на неполную, то в XI в. конунг Харальд Суровый считывал скальда Тьодольва Арнорссона за то, что тот срифмовал *grömt* и *skömmu*, т. е. поставил в соответствие геминате одиночный согласный [Morkinskinna 2000:

⁹ Ср. разбор этого фрагмента также в [Смирницкая 2008 (1994): 368].

¹⁰ Используя тем самым более древнюю форму слова, см. [ANG: 117]. Подобное использование более древних форм слов, состоящих из большего количества слогов, не редкость в поэзии скальдов, ср. *éarnmunnur* у Халльдора Некрещеного [SkP 1: 469], *isarn* у Торбьёрна Хорнклови [SkP 1: 91], *Sigvarði* вместо *Sigurðr* у Кормака [SkP 3: 277] и Браги [SkP 3: 30] и т. д. О разночтениях в последней строке этой строфы см. прим. 82 на с. 147.

253] ¹¹. Эти эстетические и лингвистические искания скальдов, однако, были сугубо «стихийны», если не интуитивны — составитель же «Первого грамматического трактата» обнажает их метод, рационализирует его и кладет в основу совершенно иной культурной практики.

Как таковая последовательная рефлексия над скальдической традицией начинается в середине XII в. Ок. 1142 г. ярл Оркнейских островов Рёгнвальд Кали и исландец Халль Тораринссон составили первое известное нам поэтологическое сочинение в собственном смысле слова — «Ключ размеров» (*Háttalykill*) [SkP 3: 1000]. Он состоит из 82 строф, каждая пара строф представляет собой пример того или иного поэтического размера ¹². В отличие от ПГТ, ни в самом «Ключе размеров» (учитывая, впрочем, что его начало и конец утеряны), ни в «Саге об оркнейцах», где говорится о его сочинении, принципы и задачи его авторов не выражаются эксплицитно. Несмотря на это, сам факт его появления около середины XII в. значителен для нас с точки зрения формализации скальдического искусства и рефлексии над ним, протекающих в это время в Исландии.

О развитии поэтологической традиции в это время свидетельствует и текст, получивший в литературе название «*Litla Skálda*» (Малый Язык поэзии). Он сохранился только в двух рукописях, AM 748 1b 4to и AM 757 a 4to, где он вставлен перед разделом «Язык поэзии» в «Эдде» Снорри. В этом небольшом тексте предпринимается попытка классифицировать скальдические кеннинги по ряду категорий и объяснить, почему они строятся именно так, а не иначе. Вероятно, «*Litla Skálda*» был составлен раньше грандиозной снорриевой «Эдды» (ок. 1220–1225) ¹³. Одним словом, в середине — второй половине XII в. исландцам удается прийти к весьма самобытному синтезу в широком смысле западноевропейских (и континентальных, и островных, т. е. английских) и своих собственных образовательных практик и практик языкового анализа. Вероятно, заимствованные аналитические практики (грамматика, чтение и изучение классических латинских текстов) первоначально предоставили легитимную причину для своеобразной инвентаризации исландского языка и поэзии самих по себе, а также необходимый для этого инструментарий, — затем же грамматика и поэзия развиваются в Исландии рука об руку. Так, автор ВГТ использует для обозначения созвучий гласных и согласных слово «хендинг», *terminus technicus* скальдов [Uppsala Edda 201: 257]. Автор ПГТ увязывает со скальдической поэзией даже первую, чисто грамматическую часть своего трактата, заметно завязывая от сочинений Присциана и Эльфрика. В ней вместо букв он рассматривает руны; затем, переходя к различным характеристикам слога и ссылаясь при этом на Присциана, он постоянно смотрит в сторону поэзии скальдов: конечную рифму латинского стиха он приравнивает к размеру рунхент (*runhent*), придыхание пытается связать с аллитерацией, а в какой-то момент и вовсе заявляет, что рассматриваемые им особенности слогов и составляющих их букв мало касаются северной поэзии и поэтому больше он про них писать не будет. Вторая же часть ПГТ посвящена объяснению фигур, тропов и изъяснов поэтической речи: пояснительный текст очень близок латинским оригиналам (в первую очередь Донату), однако все примеры заменяются на дротткветт или другие северные поэтические размеры. Аналогичным образом поступает и автор ЧГТ. Всем четырем трактатам в Codex Wormianus предпослан пролог, в котором поэзия довольно своеобразным образом также связывается с развитием грамматического знания в Исландии [IGL 1884: 152–153].

Сюда же можно отнести и термин *málsgrein* (букв. «речеразграничение»), встречающийся в ПГТ (с. 147). Его значение можно объяснить через родственное понятие *hljóðsgrein*

¹¹ Подробнее про морфемы и рифмы см. [Гуревич, Матюшина 1999: 103–119; Gade 1995: 29–35, 67–71].

¹² Как и в случае с «Перечнем размеров» Снорри, есть основания думать, что часть размеров, приведенных Рёгнвальдом и Халлем, была сконструирована самими авторами и никогда не использовалась в действительности: [SkP 3: 1000; Гуревич, Матюшина 1999: 83].

¹³ См. [Faulkes 1993; Jesch 2009; Males 2020: 129–147].

(букв. «звукоразграничение»; см. обсуждение термина *grein* ниже). В своем «Перечне размеров» Снорри Стурлусон объясняет, помимо всего прочего, правила построения внутренних рифм — хендингов. Для того, чтобы построить хендинг, необходимо понимать, какой звук долгий, а какой краткий, какой «твердый», а какой «мягкий» — установки в сознании поэта, благодаря которым он способен различить долгий звук и краткий и представляют собой *hljóðsgrein* [Htt 2007: 3]. В «Языке поэзии» же появляется и *málsgrein*: у Снорри к нему относятся кеннинги, хейти и название вещей своим именем [Skpm 1998: 5]. Ср. также ПГТ, где Олав Белый Скальд переводит донатовское *contra regulam artis grammaticae* («против правил искусства грамматики») как *i móti reglum rétttra málsgreina* («противно правильному устройству речи») [TGT 1927: 49]. Таким образом, *málsgrein* можно истолковать как набор правил и установок (ср. англ. *framework*), благодаря которым возможен анализ речи, как некий механизм ее правильного построения — по-видимому, понимаемый довольно схожим образом поэтами и грамматиками.

Впрочем, как пишет и сам автор ПГТ об использовании им латинского алфавита, усвоение западноевропейских образовательных практик — практик письма и анализа текстов — обогащает не только исландскую поэтологическую традицию: с 1117 г. начинается запись исландского права, полученные в результате изучения грамматики знания применяются для записи дорогих сердцу исландцев саг и родословных, устная передача которых к тому времени не прекратилась.

Источники и параллели

Об авторе трактата известно мало, что породило множество теорий о его личности¹⁴. Мы знаем, что это был исландец, так как он (или она) говорит об исландском как о «своем» языке (с. 143). Он пишет от первого лица и явно осознает свое авторство, так как часто использует местоимение «я», предлагая что-то новое, что отличает его от типичного рассказчика родовой саги [Кузьменко 2011: 111]. Чуть больше можно сказать о том, какие тексты Граматику были известны. Судя по параллелям с латинскими грамматиками и по тому, что автор цитирует Катона в оригинале, Грамматик получил образование, в которое входило изучение латыни и латинской грамматики [Males 2020: 32]. Хотя ожидаемо было бы увидеть влияние Доната («*Arts Minor*»), переключек с его грамматикой не очень много, так как она посвящена только частям речи, а они не занимали составителя ПГТ. При этом с Донатом в том или ином виде Грамматик был знаком, так как в Трактате встречаются схождения с комментарием к Донату Ремигия Осерского («*Commentum in artem primam Donati*» и «*Commentum in artem maiorem Donati*», IX в.) — в фантастической этимологии слова *titull* ‘титло’ (лат. *titulus*, которое Ремигий возводит к *Titan* ‘бог солнца, солнце’) [Hv 1972: 191], а также, возможно, в случаях, где речь идет о греческом языке [Holtmark 1936: 90; Кузьменко 2011: 113]. Более значимой для автора ПГТ была грамматика Присциана, часть которой как раз посвящена звукам и буквам, с ней в ПГТ есть несколько терминологических пересечений [Hv 1972: 192]¹⁵.

Отдельный интерес представляют примеры, которые Грамматик использует для иллюстрации своих идей. Среди множества обозначений самых разных предметов мы находим не только прямые цитаты из скальдических вис (см. выше), но и некоторые образы, которые встречаются также и в сагах об исландцах. Так, в примере «**Мутны** (*Súr*) глаза **свиньи** (*fýr*), но так лучше, чем если бы они выскочили» (*Súr erv evgv fyr slið duga betr en spryngi*

¹⁴ Последний обзор проблемы авторства Трактата предложен в статье Ю. К. Кузьменко, где в качестве автора Трактата предлагается считать Торорда Мастера рунического письма, чей трактат о рунах, возможно, был использован в качестве источника для ПГТ [Кузьменко 2011].

¹⁵ О латинских источниках Грамматика см. также [Holtmark 1936: 75–99; Sverrir Tómasson 1988].

ур, с. 145) видны параллели с двумя героями так называемых «саг о поэтах» (*skáldsögur*)¹⁶. Одного из героев «Саги о Халльфреде Трудном Скальде» зовут Грис (*Gris*), что созвучно др.-исл. *gríss* ‘поросенок’; при этом по сюжету саги Грис подслеповат, буквально — у него как раз «мутные глаза»: *Gris var heldur óskyggn og súreygur* [ÍF VIII: 145] («Грис был довольно близорук и подслеповат»). В свою очередь, в «Саге о названных братьях» появляется вторая часть примера Грамматика — высказывающиеся из головы глаза, — когда обиженная Торбьёрг угрожает скальду Тормоду тем, что «оба глаза выскочат из его головы» (*bæði augu skulu springa ór höfði þér* [ÍF VI: 175]). Примечательно, что в обеих приведенных сагах главными героями являются скальды, — хорошо знакомый со скальдической традицией, Грамматик мог быть знаком и с устной традицией рассказов о скальдах. Использование таких примеров могло быть рассчитано на знающего читателя, способного оценить умение Грамматика подобрать остроумный пример в условиях тех ограничений, что он сам себе поставил¹⁷.

Лингвистическая концепция Первого грамматического трактата

Грамматик видит свою цель в создании алфавита, соответствующего звуковому строю древнеисландского языка, что заодно позволило бы навести порядок в использовании букв в рукописях. Результатом его работы становится не только фонографический алфавит, где каждой фонеме соответствует отдельный знак, но и само рассуждение о создании алфавита, уникальное для Средневековой Европы¹⁸. За основу он берет латинский алфавит, отбрасывая ненужные буквы (с. 143); некоторые же буквы вводит сам¹⁹. Критерии, по которым Грамматик подбирает буквы для алфавита, исходят из средневекового понимания самого термина «буква» (лат. *littera*, др.-исл. *stafr*). В латинской грамматической традиции буква считалась наименьшей озвучиваемой единицей и имела три воплощения: название (*nomen*), письменную форму (*figura*) и значимость (*potestas*), т. е. звучание (см. у Доната и затем у Присциана со специальной оговоркой, что *potestas* связано именно с произношением [НВ 1972: 42–45]). Этим трем воплощениям в ПГТ соответствуют *nafn* (*nomen*), *líkneski* или *vöxtr* (*figura*) и *jartein* или *atkvæði* (*potestas*) [Кузьменко 1985б: 81]; при этом если понятия *líkneski* и *vöxtr* очень близки (в нашем переводе «облик» и «начертание» соответственно), то понятия *jartein* и *atkvæði* различаются, см. ниже. Концепция подразумевает, что буква может проявляться в каждом из трех воплощений, т. е. может каким-либо

¹⁶ Подробнее об этом подтипе родовых саг см. коллективную монографию [Poole 2001].

¹⁷ Стоит обратить внимание и на то, что сам рассматриваемый пример имеет черты скальдических строк, так как в нем есть аллитерация, хендинги, а также конечная рифма (*styr* — *yr*) [Кузьменко 2013: 11–12].

¹⁸ Хотя сочинения об алфавитах появлялись и в других письменных традициях (ср., например, труд черноризца Храбра кон. IX — нач. X в. [О письменах 1981; Кузьменко 1985а: 11]), ПГТ представляет собой известное исключение для Европы XII в.: фонологические принципы создания исландского алфавита обсуждаются в нём не только весьма подробно, но и на собственно исландском языке. Единственным полноценным аналогом ПГТ можно назвать только ирландские грамматические трактаты VII в. [Кузьменко 1985б: 79]. Попытку схожей работы можно увидеть также в труде древнеанглийского монаха Орма под названием «Ормулум» — однако в нем нет ни степени подробности, присущей ПГТ, ни его заявки на создание алфавита для языка в целом [Волконская 2015: 83].

¹⁹ Хотя обозначения для гласных, которые предлагает Грамматик, встречаются в XII в. и в других рукописных традициях [НВ 1972: 26].

образом называться, писаться или звучать. Поэтому для Грамматика абсолютно естественно говорить о буквах, но при этом описывать их звучание²⁰; эту особенность поведения Грамматика представляемый перевод сохраняет. Из трехчастной природы буквы вытекает и главный критерий отбора букв для родного алфавита у Грамматика — заимствуемая буква должна в древнеисландском языке верно произноситься (быть «верно-произнесенной» — *réttræðr*), т. е. в родном языке Грамматика она должна звучать так же, как и в том языке, откуда буква берется, ибо только оригинальное произношение буквы (т. е. закрепленной за ней фонемы) будет соответствовать ее истинной природе. Так как в основном алфавит заимствуется из латыни, то именно латинское произношение заимствованных букв считается «верным»²¹.

Грамматик различает букву и звук терминологически: для обозначения разных аспектов звука он использует термины *hljóð* ‘звук’, *atkvæði* ‘звучание’ и *jartein* ‘значение’. Стремясь понять, как Грамматик эти термины употребляет, необходимо учитывать, что ему, как и другим средневековым авторам, чужда современная идея строгой и однозначной терминологизации — для одного и того же понятия или явления он может использовать несколько синонимов и, с другой стороны, обозначать разные понятия одним многозначным словом. Понятие *hljóð*, обозначавшее в др.-исл. звук вообще (необязательно языковой), у Грамматика соответствует лат. *sonus* [НВ 1972: 61–63]. По смыслу это нечто близкое тому, что в XX в. в терминологии Пражского лингвистического кружка получит название фонемы, хотя, конечно, совсем не то же самое²². *Hljóð* появляется в Трактате как отдельная единица: каждому языку присущ тот или иной набор *hljóð*, отражающийся в буквах, что особенно заметно при «трансплантации» алфавита одного языка на другой — набор *hljóð* языка «донора» может отличаться от набора языка, куда производится заимствование, отсюда возникают «лишние» буквы²³. Как единица инвентаря *hljóð* включает в себя качественные характеристики, т. е. акустические и артикуляционные сходства и различия между разными звуками: так, *hljóð* могут быть одинаковы у разных языков²⁴, а некоторые гласные у Грамматика сочетают в себе черты двух разных *hljóð*²⁵.

Теперь следует указать, чем от *hljóð* отличаются *jartein* и *atkvæði*. Из этих двух терминов *jartein* яснее — он описывает звук как план содержания буквы, письменного знака. Имея в неспециальных контекстах в др.-исл. значение ‘свидетельство, признак; залог

²⁰ Ср. например, как в описании *E* сочетаются её написание и произношение: «*E* пишется с завитком от *a*, но в основе своего начертания (*vǫxtir*) — как *e*, ведь эта буква сложена из них обеих: [она произносится] менее открытым ртом, чем *a*, но более, чем *e*» (*E er ritinn með lykku as en með þllum vexti es, sem hann er af þeim tveim samfeldr; minnr opnum munni en a, en meirr en e*, с. 144).

²¹ На образцовое произношение букв в латыни указывает и само употребление термина *réttræðr*: во всех случаях он используется в связи с указанием на латинский язык [НВ 1972: 53, ср. ту же интерпретацию Naugen 1950: 43].

²² Ср. обсуждение фонемы у Н. С. Трубецкого, для которого наиболее значимыми характеристиками фонемы является то, что это 1) неразложимый член фонологической оппозиции и 2) различительный признак, тот звук, благодаря которому можно отличить одно слово от другого [Трубецкой 2000 (1960): 41–42].

²³ Ср. *Hveriga tungu er maðr skal rita annarar tungu stjofum, þá verðr sumra stafa vant, [af því at hverr tunga hefir hljóð þá er eigi finnaz í annari; svá ganga ok sumir stafir af] því at eigi finnaz þat hljóð í tungunni, sem stafirnir hafa, þeir er af ganga* / «Какой бы язык человек [ни] стал записывать буквами другого языка, некоторых букв не хватит, [потому что в каждом языке есть звуки, которые нельзя найти в другом языке; таким же образом некоторые буквы лишние], потому что в [его] языке не находится такого звука, какой есть у лишних букв» (с. 142).

²⁴ Ср. цитату в предыдущей сноске.

²⁵ *Ø, hann er af hljóði es ok os feldr saman, minnr opnum munni kveðinn en [e] ok meirr enn o, enda ritinn af því með kvisti e[s] ok með osins hring* / *Ø* смешана из звуков *e* и *o* и произносится менее открытым ртом, чем *e*, но более, чем *o*; вот и записана потому с чертой от *e*, но с кругом от *o* (с. 144).

истинности', в лингвистических контекстах, в частности в Трактате, *jartein* — это означаемое, значение знака (буквы), то, что представлено буквой, а соответствующая функция буквы передается глаголом *jarteina* 'знаменовать'. *Jartein* больше всего соответствует лат. *potestas* в средневековой грамматической традиции (см. выше)²⁶.

Термин *atkvæði* сложнее, так как контекстуально он пересекается и с *hljóð*, и с *jartein*. Его основа, глагольное сочетание *kveða at* 'говориться, выносить суждение, определять', имеет в Трактате специальное значение 'произносить(ся), звучать'²⁷. Соответственно, *atkvæði* может быть понято как 'звучащая речь', с акцентом на сам акт произнесения²⁸. Свидетельством в пользу такой трактовки служит замечание Грамматика, что «согласные не могут сами по себе произвести ни [связной] речи, ни [отдельного] произнесения / звучания (*atkvæði*)» (*samhljóðendr megu ekki mál eða atkvæði gora einir við sik*, с. 143), где *atkvæði* относится к естественно произносимой речи: именно ее не могут составить сами по себе согласные, тогда как в качестве *hljóð* (единицы инвентаря, отличной от других единиц) или *jartein* (плана содержания буквы) любой согласный самостоятелен. Именно поэтому рассуждения Грамматика в части о гласных и в части о согласных различаются. Так, в обсуждении гласных Грамматик подбирает верное написание букв к звукам исландского языка, т. е. мысленно идет от звуков (единиц инвентаря) к буквам — там используется только термин *hljóð*. При обсуждении же согласных направление мысли Грамматика идет от букв к тому, как именно их правильно назвать и произнести с учетом трудности их фонетического «отъединения» от гласных — у согласных в самом названии заложено то, что они звучат вместе с чем-то (*samhljóðendr*, букв. «вместе звучащая»), а потому Грамматику только и остается, что их верно назвать, для чего ему потребуется уточнять их *atkvæði* («звучание») — потому здесь уже постоянно используется термин *atkvæði*.

В приведенной интерпретации *hljóð* является звуком — единицей звуковой системы, а *atkvæði* — звуком в аспекте его произнесения, звуком — частью потока речи. Это не единственная возможная трактовка: совсем иначе термин *atkvæði* интерпретировал Хрейн Бенедиктссон, который считал коннотации «говорения» для *atkvæði* второстепенными и трактовал его как замену нетерминологичного и не специфично-языкового *hljóð* [НВ 1972: 58], т. е. *atkvæði* описывает звук именно как звук языка, имеющий лингвистическую роль (ср. понятие фонемы) и потому подлежащий буквенному выражению³⁰. Независимо от выбранной трактовки следует, однако, признать, что разница между *atkvæði* и *hljóð* может в Трактате контекстуально нивелироваться, ср. «хотя звук или звучание, которым обладают согласные, едва ли могут быть произнесены сами по себе» (*þó at þar hljóð eða atkvæði, er samhljóðendr hafa, megi varla eitt saman at kveða*, с. 148).

²⁶ «Итак, некоторые согласные имеют собственные облик (*líkneski*), имя (*nafn*) и значение (*jartein*)» (с. 149).

²⁷ См. в словаре Клисби значение *kveða*, 2, gramm.

²⁸ Таково понимание Э. Хаугена: «in FGT it [*atkvæði*] everywhere refers to the sound in general, specifically the mass of it», «*kveða at* ... is the activity of the speaker» [Einar Haugen 1950: 47]; ср. тж. *lydmasse* «звуковая масса» в датском переводе В. Далерупа и Финнура Йоунссона [Ibid.].

²⁹ *Skal þat atkvæði hvers þeira í hverju máli vera, sem þá lifir nafnsins eptir; er ór er tekinn raddarstafr ór nafninu* / В любой речи должно быть звучанием каждой из них то, что остается от их имени, когда из него изъята гласная (с. 148).

³⁰ В таком понимании звук у Грамматика передается двумя специальными терминами с разных точек зрения: *atkvæði* — это звук как исходная точка рассмотрения, нечто подлежащее буквенному выражению (звук как то, у чего есть знак), а *jartein* — это звук как то, что мы узнаем при чтении буквы (звук как то, что есть у знака) [НВ 1972: 58]. В перспективе латинской ученой традиции Хрейн Бенедиктссон соотносит *atkvæði* / *kveða at* с *elementum*, выступавшим как слышимая единица и противопоставленным *littera* как письменной единице, а также *pronuntiatio* 'произнесение, речь' и *profero* 'выражать, говорить'; однако термины Грамматика, по-видимому, самостоятельны и применяются не вполне так же [Ibid.: 60–61]

Как уже было сказано, рассуждение об алфавите Грамматик делит на две части, посвященные гласным и согласным, *raddarstafr* и *samhljóðendr*. Наиболее вероятно, что используемые грамматиком термины созданы по образцу латинских терминов *vocales* и *consonantes* [НВ 1972: 50–51]. Гласные и согласные для Грамматика различаются по критерию их отдельного произнесения (см. трактовку *atkvæði* выше): желая произнести гласную букву отдельно, мы легко можем это сделать (например, *e* как [e]), в то время как назвать согласную отдельно от гласной не получится (букву *m* называют [em]). По той же причине согласный не может образовать без гласной слога (*samstafa*)³¹. Поэтому гласные, по мнению Грамматика, сильно превосходят согласные («настолько, насколько всемогущий превосходит полумогущего», с. 144). Что касается первой части др.-исл. термина для гласных, *rōdd*, в широком смысле это слово обозначает голос, звучание человеческой речи; в переводной литературе, как правило, используется для лат. *vox*. Вместе с тем в грамматической литературе формируется специальное значение этого слова: неартикулированный голос, противопоставленный речи.

Подробнее всего это разделение проводится в ВГТ. Автор ВГТ выделяет три способа организации звуков (*hljóðsgrein*): 1) собственно звуки (*hljóð*), которые может издавать неживая материя (треск дерева, звон оружия и т. д.); 2) голос (*rōdd*), который могут подавать животные — люди иногда могут понять намерения животных по их голосу, но в целом он неосмыслен (*skynlaus*); 3) речь (*mál*), которая включает в себя и звук (*hljóð*), и голос (*rōdd*) — она присуща только людям, поскольку для нее необходимы память (*minni*) и разум (*vit*) [Uppsala Edda 2012: 251]. В ТГТ Олав Белый Скальд не проводит настолько же четкой формальной границы между голосом и речью, по-видимому, следуя за своими латинскими образцами, которые пользуются словом *vox* — и во вводной части своего трактата он последовательно переводит его как *rōdd*. Тут же, однако, он выделяет (на основе Присциана) многочисленные разновидности голоса: у него фигурируют, к примеру, незначимый голос (*ómerkilig rōdd*), который формирует слова без значения (у Олава *búbá*, *blictrix*); значимый по природе голос (*merkilig rōdd af náttúru*), например плач младенцев и стоны больных; значимый по составу голос (*merkilig rōdd af setning*), который производит по своему волею человек, обладающий разумом (*skynsamligt*) [TGT 1927: 20–22]. Последнее автор ВГТ вполне мог бы назвать *mál*, что появляется и в следующих главах ТГТ, где Олав уже более самостоятелен: везде, где используется слово *mál*, оно обозначает речь, язык или высказывание (к примеру, [Ibid.: 45, 49]) — то есть не просто «голос, который есть воздух» (*rōdd er loft*), а рациональную и организованную систему обладающих значением звуков (см. также о *málsgrain* выше). В др.-англ. когнат др.-исл. *rōdd* — *reord* — имел базовое значение «изречение», как правило человеческое, и зачастую использовался для обозначения языков (греческого, иврита, древнеанглийского и т. д.)³². Обладание *reord* зачастую служило характеристикой человеческого рода, его отличительным признаком: так в дошедшем до нас корпусе древнеанглийской поэзии можно встретить

³¹ Термин *samstafa* ‘слог’ (или *samstofun* — варианты не обнаруживают смысловых различий) частично калькирует греч. *συλλαβή* (лат. *syllaba*) < *συλλαβάνω* < *σύν* ‘вместе’ + *λαμβάνω* ‘брать’, ср. *sam(an)* ‘вместе’ + *stafa* ‘располагать (буквы)’. Понятие применяется в Трактате в русле средневековой ученой традиции [НВ 1972: 103–105]. У латинских авторов в определении слога на первый план могли выходить как просодические характеристики (*spiritus* ‘выдох’, *accentus* ‘тон, ударение’), так и идея «сочетания» букв (в соответствии с внутренней формой термина); во втором случае становилось проблемным признание слогов из одного гласного, однако Грамматик признает возможность существования таких слогов (с. 143, 148). Кроме того, Грамматик считает слогообразующий характер отличительным свойством гласных: в дифтонге один из гласных «отвергает свою природу (*edli*) и скорее тогда уже может называться согласной [буквой]» (с. 147). Термину соответствуют глагольные сочетания *stafa við(r) / saman*, которые применяются к образованию дифтонга из двух гласных и к соединению гласных с согласными (ср. термин *fella saman / samfelldr*, чаще всего используемый в разговоре об удвоении согласных).

³² Ср. готск. *razda*, тоже означающее ‘речь’.

составное слово *reord-berende* — «наделенный речью, носящий речь» — в основном при описании группы людей; в поэме «Беовульф» соответствующий глагол (*reordian*) используется применительно к ворону, «рассказывающему» о пиршестве на поле битвы; Вёо. 3025 [Stanley 2011]³³.

Итак, Грамматик выделяет ряд основных гласных (*a, e, i, o, u, ɔ, ɛ, ø, y*)³⁴, каждая из которых образует иную «букву», когда произносится в нос (и это единственное упоминание о носовых гласных в древнеисландских текстах) и когда произносится кратко или долго. Он также противопоставляет гласные, взятые из латинского языка, и гласные, которые он ввел сам (*a, e, i, o, u* vs. *ɔ, ɛ, ø, y*)³⁵, фонологически отличающиеся от латинских букв-«доноров» по ряду (*o — ø, u — y*), подъему (*e — ɛ*) или лабиализации (*a — ɔ*), что Грамматик объединяет под признаком «степень открытости рта», ср., например: «*ɔ* имеет завиток от *a*, а круг — от *o*, потому что в ней соединены звуки их обеих и произносится она менее открытым ртом, чем *a*, но более, чем *o*» (с. 144). Для иллюстрации Грамматик использует метод противопоставления, когда буквы схожего типа ставятся между одинаковыми согласными и при этом значение слова меняется: так, в одной и той же позиции долгая и краткая гласные образуют разные слова, ср. имя Гудрёд (в Трактате дано в Dat.sg., *godrēði*, в орф. трактата *gopræþe*) и словосочетание «добрые грёби» (*góð ræði*, в орф. трактата *góþræþe*), т. е. «хорошие весла» (с. 146)³⁶. Этот подход исследователи часто называют первым случаем последовательного использования метода минимальных пар [НВ 1972: 81; Кузьменко 1985б: 82]³⁷. Тот же принцип различения по долготе применяется и к согласным: для долгих согласных Грамматик предлагает иное обозначение, чем у кратких (*bb* обозначается как *v, mm* — как *m* и т. д.).

Ключевым для понимания метода противопоставлений Грамматика является термин *grein*. Базовое значение этого слова — «ветвь», «ответвление», «побег»; слово может обозначать в том числе ветвь генеалогического древа; среди производных значений — «разногласие», «различие» (*distinction*) [Cleasby, знач. 2]. Соответственно, основную идею Грамматика можно понять так, что девять исходных гласных как бы дают побег и в совокупности производят тридцать шесть различных «отростков» — таким образом, каждая основная гласная имеет четыре проявления: долгая / краткая носовая и долгая / краткая неносовая. При этом, как уже было отмечено выше, Грамматик выводит и «новые» исландские гласные из латинских и потому у него, например, *ɔ* является как бы генеалогическим потомком *a* и *o*: их соединением он объясняет и звучание, и форму написания этой буквы (с. 144). В результате, чтобы показать необходимость различия старой латинской и новой исландской букв, связанных между собой, Грамматик вынужден их различать так же, как он различает *a* краткую и *a* долгую и т. д., с помощью метода минимальных пар (с. 145) [Perridon 1985: 85–86; ср. также Ulvestad 1976]. Всю систему разграничений, проделанных Грамматиком, можно проиллюстрировать диаграммой для «ответвлений» *u*, предложенной Гарри Перридоном, где в каждом «колене» отражены разные типы «потомков» этой буквы

³³ Ср. схожее употребление в «Care о Вёльсунгах», где Сигурд начинает различать язык, или голоса, птиц (*Ok er hjartablóð ormsins kom á tungu honum, þá skildi hann fuglaróðd* [Völs 1965: 33]).

³⁴ Приведем их предполагаемое произношение в МФА для языка времен Грамматика: *a* [a], *ɔ* [ɔ], *o* [o], *u* [u], *y* [y], *i* [i], *e* [e], *ɛ* [ɛ], *ø* [ø]. Ср. обзор древнеисландской системы вокализма в [НВ 2002].

³⁵ По мнению Грамматика, *y* — не латинская буква, а греческая: см. ниже перевод, с. 151.

³⁶ Материал для этого примера Грамматик находит у скальда Тьодольва Арнорссона [SkP 2: 152].

³⁷ Хотя противопоставление, например, по долготе появляется уже у Исидора Севильского (560–636) в «Этимологиях» на примере *populus* vs. *pōpulus*, существенно, что в латинской традиции такие противопоставления были скорее редкостью и не образовывали системы, подобной предлагаемой Грамматиком [НВ 1972: 77–79; ср. также Кузьменко 2013: 9–11]. При этом система Грамматика, конечно, не идеальна, ср. ряд наблюдений, приведенных в работах [Leoni 1975; Ulvestad 1976; Perridon 1985; Koerner 1997], однако это не отменяет его достижений.

(«старые» и «новые» гласные, различаемые по «открытости/закрытости» (в терминах Грамматика), а также различия каждой из основных гласных по назализации и долготе):

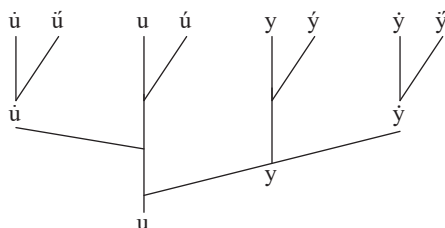

Рис. 1. Диаграмма из [Perridon 1985: 86]

Хрейн Бенедиктссон заметил, что в тексте трактата *grein* используется в двух разных значениях: 1) как отношение расхождения, различия между элементами или их группами (с. 145) и 2) как сами различающиеся элементы (с. 145), которые можно было бы понимать как современную «фонему» [НВ 1972: 69]. Хотя Хрейн Бенедиктссон и Эйнар Хауген в обоих случаях переводят *grein* как «distinction», передача столь разных смыслов одним словом, по крайней мере в русском переводе, могла бы привести к терминологической путанице — так, в случае, когда Грамматик пишет, что привел 36 *greinir*³⁸, перевод «36 различий» создает впечатление, что он привел 36 видов различий, хотя на самом деле их у Грамматика намного меньше; назвать же *grein* «различием» в значении «фонемы» [Ibid.] значило бы излишне модернизировать текст, а кроме того, русского читателя такое использование одного термина в разных значениях могло бы запутать. Поэтому мы переводим *grein* в первом значении как «разграничение», а в контекстах со вторым значением *grein* используем слово «ответвление»; для большей ясности оригинальный термин в каждом случае приведен в скобках. Как кажется, такое переводческое решение позволяет по достоинству оценить новаторство и оригинальность Грамматика. В самом деле, с одной стороны, прибегая к характеристике букв через смысловоразличительные пары, Грамматик в каком-то смысле опережает своих латинских коллег, в чьих трудах упоминание минимальных пар в лучшем случае встречается в качестве единичных примеров, но отнюдь не становится краеугольным камнем самостоятельного рассуждения (см. сноску 37). С другой стороны, хотя Грамматик вводит в трактат описание букв через смысловоразличительные оппозиции, он, в отличие от современного фонолога, делает это не ради того, чтобы дать последовательную картину фонологического строя исландского языка или сформировать целостную фонологическую теорию, а лишь затем, чтобы объяснить свои решения при формировании набора необходимых букв (ср. также [НВ 1972: 49]).

Наконец, в двух местах Трактата Грамматик упоминает руны (*rún*, с. 144, 146). В этих контекстах руны могут пониматься либо широко, т. е. как письменные знаки, буквы любого нелатинского алфавита, либо как знаки именно рунического алфавита, альтернативного письменному латинскому языку. По мнению Хрейна Бенедиктссона и Эйнара Хаугена, автор трактата использует термин «руна» (*rún*) в качестве стилистического варианта для термина «буква» (*stafi*), тем самым заимствуя терминологию из метаязыка, связанного с руническим письмом [НВ 1972: 42, 53; Naugen 1950: 40–41]. Иную трактовку предложил Магнус Олсен, по мнению которого Грамматик использует термин *rún* уничижительно,

³⁸ *Enda tel ek þik þá eigi hafá vel svarat, er þú lætr eigi þurfa í váru máli þessa níu raddarstafi: a, o, e, e, i, o, ø, u, y, allra helzt ef ek klýf ór þessum níu sex greinir ins fjórða tegar, þær er sitt mál gori hverr, ef glöggst eru skildar* / Итак, говорю, что твой ответ нехорош [тем], что ты отрицаешь потребность нашей речи в этих девяти гласных: a, o, e, e, i, o, ø, u, y, и это при том, что я вывожу из этих девяти тридцать шесть ответвлений (*grein*), из которых каждое производит свой смысл, если их четко различить (с. 145).

с презрением к неясной и неопределенной практике записи звуков при помощи рун, которой придерживается воображаемый оппонент, с которым здесь ведется спор [Olsen 1937: 113, цит. по НВ 1972: 42, fn. 1]. В замечании Грамматика об «угадывании рун там, где они не ясны» (с. 144) прослеживается неоднозначность употребления рун, что связано с особенностью их бытования и использования: младший рунический алфавит содержал всего 16 знаков, где один знак мог обозначать разные звуки, имел региональные различия в написании, а кроме того использовался преимущественно для бытового письма на предметах, а не в книгах³⁹. Как кажется, в ответе Грамматика переплетаются два терминологических пласта. С одной стороны, руны — это неструктурированная система письма, неотъемлемой частью которой является угадывание символов, а с другой — стилистический синоним термина «буква», т. е. часть той структурированной системы, которую создает Грамматик, но навык к которой еще только предстоит внедрить. Схожее соединение заметно в другом примере употребления термина *rún*, когда их расшифровкой становится термин *málstafr* — это, с одной стороны, синоним для буквы (*stafr*), а с другой — указание на буквы именно живого языка (в противовес *bókstafr* — латинским, книжным буквам) (с. 144).

Прежние издания и особенности настоящего перевода

Прежние издания ПГТ включают в себя параллельное исландско-латинское издание Свейнбьерна Эгильссона и Йоуна Сигурдссона [Edda 1852: 10–43], датский перевод Вернера Далерупа и Финнура Йоунссона [Dahlerup, Jónsson 1886], немецкий перевод Неккеля и Ниднера [Neckel, Niedner 1925: 334–349], английские переводы Эйнара Хаугена [Haugen 1950] и Хрейна Бенедиктссона [НВ 1972], итальянский перевод Альберто Леони [Leoni 1975] и хронологически последний — шведский [FGA 2002].

Предлагаемый перевод является плодом двухгодичного семинара, целиком посвященного переводу ПГТ и его обсуждению. Читателям, знакомым с оригинальным текстом трактата, известна особая сложность его ученого стиля, изобилующего длинными периодами с большим количеством вставных конструкций и повторов. В этом плане язык трактата максимально далек от языка древнеисландских саг, с которым в основном знакомы русскоязычные читатели. Поэтому одной из главных задач семинара было выработать стратегию перевода, которая позволяла бы, с одной стороны, сохранить эту сложность и даже тяжеловесность стиля, а с другой — не упустить и донести до читателя мысль Грамматика. Так мы, например, часто сохраняем лексические повторы или вставные конструкции на их оригинальных местах, если это возможно, но при этом стараемся разбивать чересчур длинные периоды, чтобы текст оставался понятным. Наконец, текст оригинала дается там, где это необходимо, в постраничных примечаниях в нормализованной орфографии по стандартам изданий инициативы MENOTA для удобства следования за переводом, с опорой на транскрипции Эйнара Хаугена и Хрейна Бенедиктссона. В тексте трактата в дипломатической орфографии по изданию Бенедиктссона даются примеры Грамматика (чтобы лучше было видно, что он чему противопоставляет); в случаях, когда их сложно идентифицировать неспециалисту, в примечаниях дается нормализованный вариант.

Авторами перевода и комментария являются участники научно-учебной группы «Лингвистическая мысль средневековой Исландии: Первый грамматический трактат» (НИУ ВШЭ, 2020–2022): Д. Г. Аношкин, Е. Д. Воробьева, Д. С. Глебова, Д. А. Голованенко, М. А. Зенкова, А. Ф. Литвина, М. М. Орловская, Т. Р. Сизоненко, Д. И. Савельев, Ф. Б. Успенский и Д. Д. Хазанкин. Кроме того, большую помощь нам оказали коллеги из «Варяжского клуба» (семинар Ф. Б. Успенского в рамках «Лаборатории ненужных вещей»), на заседаниях которого мы также часто обсуждали Трактат — М. О. Стражников,

³⁹ Подробнее о рунической грамотности см. [Patzuk-Russel 2021: 41–44, 215–221; Seim 1988: 17–20].

Р. С. Маловицкий и многие другие. «Введение» обсуждалось на отдельных встречах, в которых участвовали, кроме авторов этой статьи, Ф. Б. Успенский, А. Ф. Литвина, Д. Д. Хазанкин, Е. Д. Воробьева и М. А. Зенкова. Отдельно хотелось бы поблагодарить Ольгу Александровну Смирницкую, а также анонимных рецензентов, которые сделали множество ценнейших замечаний к переводу и вступительной статье. Наконец, неоценимой помощью было чуткое внимание Федора Борисовича Успенского и Анны Феликсовны Литвиной, без участия и наставничества которых этой инициативы и ее реализации бы не случилось.

Текст

В большинстве стран люди заносят в книги либо сведения [о том], что случилось внутри страны, либо [о том], что представляется наиболее достопамятным, хотя бы и случилось где-то еще, либо люди заносят в книги свои законы — каждый народ на своем языке. Но поскольку языки не похожи один на другой — с тех пор как они из одного и того же языка вышли и разошлись — постольку в них должны быть разные буквы, а не одни и те же во всех. Как не пишут греки латинскими буквами по-гречески, и не [пишут] латиняне греческими буквами по-латыни, так и евреи не пишут по-еврейски ни греческими буквами, ни латинскими — но пишет каждый народ своими буквами на своем языке.

Какой бы язык человек [ни] стал записывать буквами другого языка, некоторых букв не хватит, [потому что в каждом языке есть звуки, которые нельзя найти в другом языке; таким же образом некоторые буквы лишние]⁴⁰, потому что в [его] языке не находится такого звука⁴¹, какой есть у лишних букв⁴². Так, англичане пишут по-английски всеми теми латинскими буквами, что верно произносятся⁴³ в английском, но там, где их недостаточно, они используют другие буквы — так много и такие, какие потребны; а те, которые верно не произносятся в их речи⁴⁴, они изымают.

И вот по их примеру, поскольку язык у нас был единый⁴⁵, пусть [со временем] один и сильно отделился от другого (или в некотором смысле они разошлись оба), дабы стало проще записывать и читать, как теперь вошло в обычай и у нас стране, законы,

⁴⁰ [потому... лишние] — реконструкция в квадратных скобках была предложена Хрейном Бенедиктссоном в его издании Трактата [НВ 1972]. До Хрейна Бенедиктссона эту фразу пытались переводить либо дословно, либо с интерпретацией [НВ 1972: 207, fn. 84:7–9], однако исследователь с этими вариантами не согласился, так как фраза «некоторых букв не хватит, потому что в языке не находится такого звука, какой есть у лишних букв» (*þá verðr sumra stafa vant, af því at eig[i] finnsk þat hljóð í tungunn[i], sem stafirnir hafa, þeir er af ganga*) не имеет смысла. Хрейн Бенедиктссон предположил, что переписчик проскочил взглядом фразу, тоже начинающуюся на «потому что» (*af því*).

⁴¹ См. введение о понятии *hljóð*.

⁴² См. введение о понятии *stafi*.

⁴³ См. введение о понятии *réttræðr*.

⁴⁴ [но там, где... изымают] — в ориг. *en þar er þeir vinnask eigi til, þá hafa þeir við aðra stafi, svá marga ok þesskonar sem þarf, en hina taka þeir ór, er eigi eru rétttræðir í máli þeira*. Если *tunga* скорее обозначает **язык** в целом, то *mál* — **речь** как производимый процесс. В спектр значений др.-исл. *mál* входят и процесс говорения / разговора, и «отрезок речи» (предложение / высказывание), и устная речь (наречие). В Трактате присутствуют первые два значения, которые мы различаем терминами «речь» и «высказывание / речение» в зависимости от контекста.

⁴⁵ В оригинале *við erum einar tungu*, т. е. «язык у нас единый». В переводе время изменено, чтобы согласовать последовательность действий, так как далее говорится, что языки разошлись. Схожий образ встречается в прологе к «Младшей Эдде» [Эдда 1970], где говорится об асах, принесших в Скандинавию и в «Страну Саксов» один язык из Азии. Было высказано мнение, что образ

и родословия (*áttvísi*)⁴⁶, и священные сочинения (*þýðingar helgra*)⁴⁷, а также те исполненные глубины сведения (*hin spaklegv fræði*), что Ари Торгильссон с такой пронизательностью изложил в книгах⁴⁸ — так и я составил для нас, исландцев, алфавит⁴⁹, как из всех латинских букв, которые показались мне подходящими нашей речи, ибо они могут быть произнесены верно, так и из других⁵⁰, которые показались мне необходимыми; те же из [латинских букв], что по звучанию⁵¹ не подходят для нашего языка, были изъяты. Некоторые согласные из латинского алфавита были изъяты, а некоторые добавлены. Из гласных букв не было изъято ни одной, а добавлено множество, потому что в нашем языке есть почти все звучные⁵² или гласные⁵³.

Итак, согласные не могут самостоятельно составить ни речения, ни [отдельно произносимого] звучания⁵⁴ — настолько, что без гласной буквы они не могут [даже] иметь имени — а любая из гласных букв может звучать так, как она называется, и из них [любая гласная] произносится во всяком речении, и они таким образом настолько превосходят согласные,

подобного общего языка для древней Англии и древней Скандинавии может быть литературным топосом [Hagland 2000].

⁴⁶ В средневековой Скандинавии было несколько терминов для обозначения разных видов родословий: *aettkvísl*, *langfeðgatal*, *aettartala*, *kynkvísl* — перечни родов, генеалогии конкретных родов и королевских династий, родословия с литературным описанием предков (героев) или с историческими сведениями о прошлом. Зачастую сложно определить, что именно скрывается под конкретным термином. *Áttvísi* встречается в Трактате без какого-либо уточнения; возможно, этот термин используется как совокупность всех перечней и жанров родословий. В современной науке генеалогии и родословные выступают как синонимы и понимаются как совокупность сведений или текстов определенной формы (генеалогический перечень, родословие) конкретных людей или родов. Подробнее о термине см. [НВ 1972: 181–182, Успенский 2014: 81–87, Мельникова 2016].

⁴⁷ *Þýðing* происходит от глагола *þýða* ‘интерпретировать, объяснять; означать’, что для исландцев XII в. входило в понятие ‘перевод’. Значение ‘переводить’ (в привычном нам понимании) у этого слова появилось не ранее XVIII в. Под священными сочинениями может подразумеваться не только Священное писание, но и другие религиозные тексты — это могут быть как проповеди, так и ученые сочинения, сохранившиеся в рукописях XII в. [НВ 1972: 182–184; Sverrir Tómasson 2002: 794]. Поскольку автор Трактата не указывает конкретно, переводы каких текстов он подразумевает, в русском варианте мы переводим это словосочетание так же широко.

⁴⁸ Имеется в виду Ари Мудрый Торгильссон (1067–1148), автор «Книги об исландцах», который первым начал записывать исторические сочинения на исландском языке, а не на латыни.

⁴⁹ Термин *stafróf* является калькой с др.-англ. *staeþröf* — это может указывать на то, что Грамматик был знаком с грамматикой Эльфрика [Кузьменко 1985б: 87]. В переводе, для удобства восприятия на русском языке, структура фрагмента «[и вот по их примеру... изъяты]» была частично перестроена, см. ориг. фрагмент [И вот... были изъяты] — *Nú eptir þeira dæmum, alls vér erum einnar tungu, þó at gorzk hafi mjök önnur tveggja eða nokkut báðar, til þess at hægra verði at rita ok lesa, sem nú tíðisk ok á þessu landi, bæði lög ok áttvísi eða þýðingar helgar, eða svá þau in spakligu fræði, er Ari þórgilsson hefir á bækr sett af skynsamligu viti, þá hefi ek ok ritit oss íslendingum stafróf, bæði látínustofum öllum þeim er mér þótti gegna til várs máls vel, svá at rétt ræðir mætti verða, ok þeim öðrum, er mér þótti í þurfa at vera, en ör váru teknir þeir, er eigi gegna atkvæðum várrar tungu.*

⁵⁰ Под другими буквами имеются в виду *ϕ*, *ε*, *ø*, *у*, см. далее; о новых гласных Грамматика см. введение о новых буквах и о понятии *grein*.

⁵¹ См. введение о понятии *atkvæði*.

⁵² См. введение о понятии *hljóð*.

⁵³ Скорее всего, имеются в виду почти все гласные из известных Грамматику языков.

⁵⁴ *Atkvæði* оригинала здесь может быть контекстуально переведено как «слог», хотя Грамматик не прибегает к соответствующему термину *samstaða / samstofun*, который использует далее в трактате (о *samstaða* см. введение).

насколько всемогущий превосходит полумогущего, — вот поэтому-то я поставил их в начало и в алфавите, и в дальнейшем рассуждении.

[Гласные]

К тем пяти гласным буквам, что уже были в латинском алфавите — *a, e, i, o, u* — я при- совокупил четыре буквы, которые здесь написаны: *ϕ, ϛ, ϔ, у*. *Q* имеет завиток от *a*, а круг — от *o*, потому что в ней соединены звуки их обеих и произносится⁵⁵ она менее открытым ртом, чем *a*, но более, чем *o*. *E* пишется с завитком от *a*, но в основе своего начертания (*vϕxtir*) — как *e*, ведь эта буква сложена из них обеих: [она произносится] менее открытым ртом, чем *a*, но более, чем *e*. *ϔ* смешана из звуков *e* и *o* и произносится менее открытым ртом, чем *e*, но более, чем *o*; вот и записана потому с чертой от *e*, но с кругом от *o*. *Y*⁵⁶ получается при слиянии гласных *i* и *u* и произносится менее открытым ртом, чем *i*, но более, чем *u*, и потому [её] первая ветвь должна быть [полностью подобна начертанию заглавной *i* — и тут же иметь вторую ветвь]⁵⁷ от заглавной *v* [...] как выше⁵⁸ они были показаны в алфавите.

Тут может случиться так, что кто-то ответит: «Я отлично разбираю датский язык⁵⁹, даже если он записан обычными латинскими буквами. Я могу догадаться, как следует это произносить — хоть и не все буквы в том, что я читаю, произносятся верно. Меня не волнует, пишешь ли ты своё *ϕ* или *a*, [e] или *e*, *у* или *u*». На это я отвечаю так: то не заслуга рун⁶⁰, хотя бы ты и хорошо читал или догадывался там, где руны неясны, — то скорее твоя заслуга. И тогда может статься, что я, или же мне подобный (если таковой найдется), не сможем хорошо прочесть или догадаться, как верно произнести — если допустимо прочитать больше чем одним способом — то, что записывается одним способом, а произносится по-разному. Вот и придется гадать [как произнести], в чем ты, как говоришь, преуспел. Но даже если бы всякий мог извлечь [из написанного] что-то разумное, то и тогда следует ожидать, что всё же не все захотят прийти к одному и тому же в тех случаях, когда это значимо (*máli skiptir*)⁶¹, особенно в законах. Итак, говорю, что твой ответ нехорош [тем], что ты отрицаешь потребность нашей речи в этих девяти гласных: *a, ϕ, e, ϛ, i, o, ϔ, u, y*,

⁵⁵ «Буква» у Грамматика включает в себя категорию произношения, см. введение о понятии *stafr*.

⁵⁶ Это место может вызывать вопросы, так как в разделе о согласных автор трактата будет протестовать против использования *y*. Дело в том, что Грамматик различал два символа *y*, один из которых обозначал гласную [y], а второй орфографически был очень похож на *u*, которая используется в позиции согласной (v). Именно от этой второй *y* он далее в трактате откажется [Holtmark 1936: 42; НВ 1965: 24–29; НВ 1972: 92–97].

⁵⁷ [полностью... ветвь] — по мнению Хрейна Бенедиктссона, здесь писец пропустил строку; в своей эмэндации он следует предложению Анне Хольтсмарк [НВ 1972: 211–213].

⁵⁸ Хотя наречие *adr* имеет значение ‘раньше’, в данном контексте буквальный перевод может вводить читателя в заблуждение, так как «раньше» может значить «до этой работы», т. е. в латинском алфавите. Здесь же грамматик отсылает к фрагменту выше по тексту.

⁵⁹ Имеется в виду общескандинавский язык, который в источниках часто называется *dǫnsk tunga* (датский язык), ср. [Haugen 1976: 135–137].

⁶⁰ См. введение о понятии *rún*.

⁶¹ [когда это значимо] — в ориг. *máli skiptir*; здесь придерживаемся традиционного перевода как более точного, ср., например, в словаре Р. Клисби *máli skipta* («if it be of importance»); схожим образом у Фритцнера *skipta máli* («være af Betydenhed» — «быть значимо»). Альтернативный перевод представлен у Э. Хаугена и Хрейна Бенедиктссона: «if it changes the meaning» [Haugen 1950: 14–15; НВ 1972: 15], ср. критику такого перевода в [Ulvestad 1976: 215–216]. Перевод, учитывающий значение ‘переменить смысл сказанного’, возможен в иных случаях, где такая перемена смысла очевидна благодаря примерам Грамматика (см., например, абзац [A вот как...*sýna*]).

и это при том, что я вывожу из этих девяти тридцать шесть ответвлений (*grein*)⁶², из которых каждое производит свой смысл, если их четко различить. Теперь я эти восемь букв — пока никакого ответвления (*grein*) [от] *i* произведено не было — помещу между одними и теми же двумя согласными, каждую в свой черед⁶³. Я приведу примеры и покажу, как каждая [из] них производит свой смысл с помощью одних и тех же букв, будучи помещена в том же месте, один [пример] за другим. И, таким вот образом на протяжении всей этой книжицы буду приводить примеры наиболее вероятных разграничений (*grein*), которые можно произвести буквами: *far fǫr fer fēr for fǫr fur fūr*.

Человек нанёс мне одну рану (*sar*)⁶⁴, я нанёс ему много ран (*fǫr*). [...] Годи поклялся (*sor*) клятвами *надлежащими* (*fǫr*). Мутны (*sur*) глаза свиньи (*fūr*), но так лучше, чем если бы они выскочили⁶⁵.

А вот как, будучи произнесена в нос, каждая из этих девяти букв⁶⁷ порождает другую. И действительно будет это разграничение (*grein*) настолько явным, что оно может переменить суть сказанного (*máli skipta*), как я здесь далее показываю; над теми из них, что произносятся в нос, я поставил точку: *har; hár; rǫ; rǫ; þel; þél; fēr; fēr; isa, isa; orar; órar; óra, óra; þuat, þuat; syna, syna*.

Волосы (*har*) растут у людей и зверей, а *акула* (*hár*) — это рыба. *Резь* (*Rǫ*) — это перекладина для паруса на мачте, а *стык* (*rǫ*)⁶⁸ — это угол дома. *Шерсть* (*þel*) намотана на кулак или служит основой плаща⁶⁹, а *напильник* (*þél*) — это орудие кузнеца. Одно дело, когда овца зовется *fēr*, а другое — когда она *отяжеляется* (*fēr*) ягненком. Просвет был виден в (*Í sa*) тучах, когда мы оказались во льдах (*isa*). *Безумие* (*orar*) вызывает *наше* (*órar*) отвращение.

⁶² См. введение о понятии *grein*.

⁶³ Специальное уточнение Грамматика о том, что отдельного *grein* для *i* произведено не было, привлекало особое внимание исследователей — если Грамматик в данном разделе противопоставляет «старые» гласные из латыни «новым», характерным только для исландского языка, то непонятно, зачем ему специально упоминать *i*, которой ничего не противопоставлено, ср. различные трактовки этого места в [НВ 1972: 118; Ulvestad 1976]. Ориг. *Nú mun ek þessa stafi átta, alls engi grein er enn [á] i gǫr á meðal inna sǫmu tveggja samhljóða setja sítt sinn hvern*.

⁶⁴ Хотя во всех словах, используемых в примерах этого абзаца, были длинные гласные, Хрейн Бенедиктссон дает примеры без акцентных знаков, руководствуясь тем, что акцентных знаков нет в рукописи (кроме слова *sár*) и тем, что Грамматик еще не ввел категорию долготы в свое рассуждение. Так как в данном переводе примеры Грамматика даются по дипломатическому изданию Хрейна Бенедиктссона (в рукописи не всегда сохраняются задуманные Грамматиком значки), то и здесь акцентные знаки опускаются. См. в нормализованной орфографии: *Sár veitti maðr mér eitt, sǫr mǫrg veitta ek honum. [...] Sór goðinn einn sóren [særin]. Súr eru augu súr; slík duga betr en spryngi ýr*.

⁶⁵ Видимо, при переписывании был пропущен пример, различающий *ser* и *sēr*.

⁶⁶ Некоторые примеры Грамматика рифмуются между собой (*súr... ýr*). Кроме того, к образам из этого примера находятся параллели из саг о поэтах, см. *Источники и параллели*.

⁶⁷ Имеются в виду восемь букв, участвующих в противопоставлениях, и *i*, которая была включена в список ранее. Ср. прим. 65.

⁶⁸ Слово *rǫ* вызывает немало проблем при переводе, так как обычно оно употребляется для обозначения угла — но поскольку Грамматик его определяет через другое слово «угол» (*hyrning*), то переводчики вынуждены искать другой вариант. Так, например, Хрейн Бенедиктссон, переводя все примеры Грамматика, именно это слово не переводит [НВ 1972: 217]. Здесь используется слово «стык», которое обозначает соединение двух концов чего-либо, в том числе под углом. Другим вариантом могло бы быть слово «врубка», однако оно было бы актуально скорее для норвежского контекста, так как подразумевает конструкцию дома из бревен.

⁶⁹ [Шерсть... плаща] — в ориг. *þel er á hnefa bundnum eða hlutr feldar; en þél er smíðartól*, букв. «шерсть — намотана на кулак или часть плаща». Не совсем ясно, что имеется в виду под «частью плаща»; возможно, речь о том, что шерсть используется в составе одежды.

Старший ребенок должен быть спокоен, ибо старший может *раззадорить* (*þra*) младшего (*þra*). Где ты (*þu at*) лежал, там перина придавлена (*þuiat*). Я покажу (*sýna*) тебе воду в трюме в три локтя (*syna*) глубиной.

Теперь гласных букв получается вот столько: *a, á; o, ó; e, é; e, ê; i, í; o, ó; ø, ö; u, ú; y, ý*. Но хотя я не прибавлю больше гласных букв — а гласных обнаружилось в нашей речи восемнадцать, произведенных из пяти латинских гласных, — однако полезно знать о том, что у гласных букв есть еще одно разграничение (*grein*) — как у тех, что были в алфавите прежде, так и у тех других, что были добавлены теперь, — то, что меняет смысл (*máli skiptir*), в зависимости от того, долгая [это] буква или краткая, как у греков, которые пишут одним образом долгую букву, а другим — краткую. Они пишут краткую *e* так: *ε*, а ту же букву, но долгую — вот так: *η*⁷⁰; *o* краткую вот так: [*o*], а долгую так: *ω*⁷¹. Я покажу это разграничение (*grein*) [на примерах], потому что оно меняет смысл сказанного (*skiptir máli*) так же, как и прежние [разграничения], и отмечу долгие, в отличие от кратких, чертой: *far, fár; rámr, rǎmr; ol, ól; uön, uǒn; se þo, séþo; frámer, frámēr; uer, uēr; uęnesc, uęnesc; uil, uíl; minna, mǐnna; goþ, góþ; mona, mǒna; goþrøþe, góþ rǒþe; mǒnde, mǒnde; dura, dúra; rúnar, rúnar; flytr, flýtr; brýnna, brýnna*.

Судном (*far*) зовется корабль, а *мор* (*fár*) — некая напасть. *Силач* (*ramr*) — это крепкий муж, а *сиплый* (*rǎmr*) — хрипун. *Эль* (*ol*) зовется напиток, а *ремень* (*ól*) — лента. Язык к речи *привычен* (*uön*), а у зубов есть *надежда* (*uön*) укусить. *Смотри* (*Serpo*)⁷² как хорошо *сшили* (*séþo*), те, кто за стыки [на корабле]⁷³ отвечали. Очень уж те люди дерзки (*frámēr*), кто не постыдится отнять жену у меня (*frá mēr*). Жена так *мужа* (*uer*) *ценит* (*uēr*) своего, что глаз почти не сводит с него⁷⁴. Хотя дурной муж и *надеется* (*uęnesc*) [заполучить] добрых женщины, не пристало доброму мужу обзаводиться такой *привычкой* (*uęnesc*). Самодовольство и *страсти* (*uil*) ждут, чтобы утихли труд и *срада* (*uíl*). Я хочу *напомнить* (*minna*) разумному мужу о *моих* (*mǐnna*) сокровенных делах. Та женщина славит *Господа* (*goþ*), что сама *хороша* (*góþ*). *Не будет* (*móna*) моя *мама* (*móna*), говорит ребенок, заблудиться обо мне хуже, чем об [остальных] домочадцах. *Гудрѣду* (*Goþrøþe*) весьма понравились *добрые гребни* (*góþ rǒþe*). Это значит «добрые вёсла» (*góðar árar*), как сказал скальд:

Гресть навично в гребях (*rǒþe*)
Грозну войску споро⁷⁵

Дом будет *заливать* (*mǒnde*), если мастер не *настелет крышу* (*mǒnde*). Когда гость у *дверей* (*dura*), хозяин не должен *дремать* (*dúra*). *Кабанам* (*Rúnar*) зовутся дикие свиньи, а *рунами* (*rúnar*) — буквы⁷⁶. Гляди как *сплавляется* (*flýtr*) плот, которым *управляет*

⁷⁰ Указываем как в рукописи. Имеется в виду буква η (эта).

⁷¹ Различение кратких и долгих гласных в греческом языке упоминается в комментарии Ремигия Осерского к Донату [Holtmark 1936: 90]. См. *Источники и параллели*.

⁷² В нормализованной орфографии: *Se þú*.

⁷³ О кораблестроении в Древней Скандинавии см. [Jesch 2001].

⁷⁴ В оригинале тоже есть рифма: *Svá er mǒrg við uer (ver) sinn uer (uer), at varla of sér hon af honum nær*.

⁷⁵ Строфа Тьодольва Арнорссона [SkP 2: 152]. Так как в виле использовано не обычное слово *árar* 'вёсла', а редкое *ræði*, то для его передачи было выбрано диалектное 'грѣби' (см. словарь Даля «Грести» и Словарь русских народных говоров, т. 7, с. 128–129 «грѣбь»). Пер. М. О. Стражникова.

⁷⁶ В оригинале *málstafr* (букв. «буквы речи»), производное от *stafr*. В трактате также появляется термин *bókstafr* (букв. «буквы книги»). Судя по самим названиям, *málstafr* может быть буквой живой, звучащей речи, тогда как *bókstafr* — буквой письма; ср., например, употребление *málstafr* во Втором грамматическом трактате, где этот термин используется для обозначения согласных [Uppsala Edda: 254]. Однако учитывая, что термин *málstafr* в трактате используется всего один

(*flytr*) перевозчик. Кормчий нуждается в *попутном* (*brýnna*) ветре больше, чем тот, кто должен *напуть* (*brýnna*) скот.

Теперь, если какие-то из этих тридцати шести ответвлений (*grein*) можно опустить, потому что они вовсе не пригождаются в нашей речи, значит, я сильно промахнулся, что вполне возможно; или же может быть так, что [их] найдется в человеческом голосе больше⁷⁷. Но полезно знать, как ранее было сказано, что каждая гласная буква произносится в каждом языке так, как она называется в алфавите; кроме тех случаев, когда она отвергает свою природу — и скорее тогда может уже называться согласной буквой, а не гласной⁷⁸. Это происходит, когда гласная буква стоит рядом с другой гласной, как вот здесь в нескольких примерах: *austr*, *earn*, *eir*, *eór*, *eyrer*, *uín*.

Теперь вполне вероятно, что кто-нибудь ответил бы мне так: «Есть такое слово, в котором ты пишешь *e* там, где большинство пишут *i*, когда она ставится на месте согласной — как вот только что ты написал *earn*, где я бы написал *iarn*, и так же во многих других случаях». На это я отвечу так: ты сделал верное наблюдение, но все же не упомянул обо всем, что могло показаться тебе странным в том, что я написал, хотя в большинстве случаев я написал так намеренно. Если бы я говорил о другом — когда бы в том была бы настоящая нужда и было бы достаточно материала для понимания, из каких букв какие слова образуются или каким образом какие буквы следовало бы сочетать вместе, — тогда была бы эта книга совсем иной и намного объемней, и потому о том я здесь говорить не могу. И все же, в немногих словах отвечу про то одно слово, что ты привел в пример.

Поскольку нелегко различить звук, что имеет согласная или же гласная, стоящая на месте согласной и соседствующая с другой гласной буквой, — потому что этот звук сокращается и почти смешивается или сростается с той гласной буквой, с которой соседствует, — поэтому следует искать, где мы могли бы найти это же слово, произнесенное так, чтобы эта гласная отличалась от другой гласной и каждая производила бы свой собственный слог; ведь чаще всего они соединены, так что вместе производят один слог⁷⁹. Скальды обладают авторитетом во всяком письме и разграничениях речи⁸⁰, как ремесленники [в ремесле] или законники — в законах. Один из них произнес примерно так:

Щиты шагали в схватке —
Сшибка злела — шибкой,
А железны звенья
Жухли гвалта палиц⁸¹

Так, хоть ритм и вынудил его разделить один слог и сделать из него два, дабы ритм соответствовал метру, ему вовсе не было необходимости менять буквы и использовать *e* вместо *i*, если следовало бы использовать *i*, а не *e* — впрочем в последнем я не уверен⁸².

раз, говорить о точных отличиях не приходится; так, например, Хрейн Бенедиктссон считает эти термины у Грамматика взаимозаменяемыми [НВ 1972: 52].

⁷⁷ См. введение о понятии *rodd*.

⁷⁸ Здесь имеется в виду слогаобразующая природа гласной, см. введение о понятии *samstafa*.

⁷⁹ См. введение о понятии *samstafa*.

⁸⁰ См. введение о понятии *málsgrein*.

⁸¹ Строфа из «Выкупа головы» Оттара Черного [SkP 1: 739]. Буквальный перевод: «под мощным напором щиты пришли в движение, — битва при этом усилилась — а древние железные кольца боевых тингов [боевые тинги = битва; железные кольца битвы = кольчуга] разлетелись». Пер. Д. А. Голованенко.

⁸² В рукописи последняя строка висы выглядит как *gunn þingf éúrn hringar* («боевого тинга железные звенья»). Архаичная двусложная форма слова *járn* нужна скальду для того, чтобы привести дроткветтную строку к нормальному шестисложному виду. Впрочем, так последняя строка этой строфы выглядит только в рукописи AM 242 fol., содержащей Трактат. Все остальные рукописи,

Но если кто-то будет столь настойчив или упрям, что станет перечить многим здравомыслящим людям, которые сами и произносили это слово [так] — до того, как я написал его — и слышали, как другие люди говорят [так], как сейчас написано — [то есть если] скажешь, что следует произносить *i*, а не *e*, даже когда слово разделено на два слога, то я воспользуюсь добрым советом Катона, который он дал своему сыну в стихах:

Contra verbosos noli contendere verbis.
Sermo datur cunctis animi sapientia paucis⁸³.

Это значит: «Не спорь с болтунами. Разглагольствование дается многим, а мудрость единицам». Здесь окончу разговор о гласных, и надеюсь, что, с позволения Господа, что-нибудь расскажу и о согласных.

[Согласные]

В имени каждого согласного есть некоторая гласная буква⁸⁴, поскольку никто не способен ни согласный, ни что-либо еще назвать по имени, не используя гласную букву, как уже было сказано прежде. Однако хотя звук или звучание (*atkvæði*), которым обладают согласные, едва ли могут быть произнесены сами по себе, все же необходимо понимать, что именно они передают в речи, и [понимать], что ни одна из них не передает в речи всего того, что вмещает ее имя, как то делают гласные. А потому я дам каждой из них такие имена, каковых раньше они не имели — такие что можно будет по имени понять, что они передают в речи, хотя прежде понять и не получалось. В любой речи должно быть звучанием каждой из них то, что остается от их имени, когда из него изъята гласная.

[Буквы] *b, d, g, h, p, t* — имеют умеренно долгое для одной буквы звучание потому, что никогда нельзя два одинаковых согласных поставить в один слог перед гласной буквой⁸⁵.

[Буквы] *s, l, m, n, r, f* — каждая из этих букв может иметь двоякое звучание согласной, если их произносить долго — так, как они могут звучать, когда стоят после гласной буквы; об этом свидетельствуют случаи, когда мы их называем с таким долгим звучанием, с каким могли бы, если бы стали писать их имена следующим образом: *eff, ell, emm, enn, err, ess*. Их звучание может и сокращаться, хоть бы они и стояли после гласной в слоге, — [тогда они бы] именовались так, как надлежало бы в этом случае писать их имена: *ef, el, em, en, er, es*. Так я и стану их все называть, [чтобы] никогда не допустить в их произношении более одной буквы: стоят ли они перед гласной в слоге или после — кроме тех случаев, [когда] я пишу согласную (какую бы ни писал) в форме заглавной буквы, коль скоро

где есть эта виса, как «Круга Земного», так и «Отдельной саги об Олаве Святом», дают более стандартное чтение: *gunnþinga járnhringar*. В таком чтении проблема недостающего слога решается постановкой слова *þing* во мн. ч. Это обстоятельство наводит на мысль о том, что рассматриваемый нами пример мог быть намеренно сконструирован автором трактата по аналогии с действительно существующей скальдической практикой. О двусложных формах см. [ANG: 117]. См. также раздел «Первый грамматический трактат, поэтическая и ученая традиция Древней Исландии».

⁸³ Имеется в виду сентенция Катона Старшего из *Disticha Catonis*: «С словоохотливыми не состояйся словами: речь дана всем, мудрый ум — немногим» (пер. с лат. Е. М. Штаерман по изд. [Катон 1981: 227]).

⁸⁴ Здесь снова буква включает в себя категорию звука, см. введение о *stafr*. Случаи, когда Грамматик использует для звука термин с участием лексемы *stafr* 'буква', мы переводим как «гласная / согласная буква». Случаи, когда используется термин без участия этой лексемы (например, просто *raddar* вместо *raddarstafr*), мы переводим как «согласный / гласный».

⁸⁵ О слогоразделе см. [Gade 1995: 29 ff.] Ср. в ориг.: *B. d. g. h. p. t, þeir stafr hafa af því mundangmikit eins stafr atkvæði, at aldri má tvá samhljóðendr ins sama hlutar setja í einni samstöfun fyr raddarstafrinn*.

в слоге она стоит после гласной. Я обозначаю ею одною то, что равнозначно двум написанным буквам одного и того же рода, — с тем, чтобы написанное было меньше и короче, а пергамент вмещал больше⁸⁶.

Теперь о тех буквах, в имени которых гласная стоит последней⁸⁷ — то есть *b. c. d. g. p. t.* — и потому звучание их имён не [может] удлиниться. Я изменяю здесь имя заглавной буквы и помещаю гласную букву впереди, чтобы звучание [согласных] могло удлиниться в имени в соответствии с тем, что они должны обозначать в других местах в речи⁸⁸. Теперь каждая согласная добавляет к гласной в их сочетании звучание такой же длины, какая есть в ее [согласной] имени и какую согласная будет иметь с любой другой [гласной], с которой она соединяется во всякой речи. Итак, некоторые согласные имеют собственные облик (*likneski*), имя (*nafn*) и значение (*jartein*)⁸⁹; а некоторые имеют облик заглавных букв и переставленные буквы в своем имени, и удлинняются в звучании как имени, так и значения; а некоторые сохраняют свой облик и, тем не менее, уменьшаются в звучании своего имени, и значение, какое они должны иметь в речи, будет подобно тому [значению], которое появляется в их имени. Теперь мы попробуем показать как их облик, так и имена, надписанные сверху⁹⁰, чтобы можно было увидеть вместе все то, что было показано по отдельности.

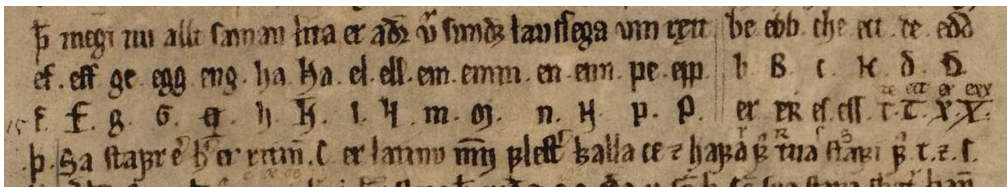

Рис. 2. AM 242 fol., 44v 13-16

⁸⁶ [Так...больше] — Имеется в виду следующая ситуация: если Грамматик пишет согласную в форме заглавной не в начале предложения, а после гласной, то таким образом он обозначает удвоение согласной. В отличие от многих других предложений Грамматика, такой способ написания удвоенных согласных надолго закрепился в древнеисландских рукописях, см. подробнее [Holtsmark 1936: 32–34; НВ 1972: 26–27]. Ср. ориг.: ... *ek læt þá svá heita alla ok aldri hafa meirr en eins stafs atkvæði hvern, hvárt sem þeir standa fyr raddarstaf í samstofun eða eptir, nema þar er ek rit samhljóðanda, hvergi er ek rit, með vexti höfuðstafsins, enda standi hann eptir raddarstafinn í samstofun. Þá læt ek þann einn jarteina jafnmikit, sem þar væri tveir eins konar ok ins sama konar ritnir, til þess at rit verði minna ok skjótara ok bókfell drjúgara.*

⁸⁷ Т. е. после согласной; ср. предыдущий абзац про случаи, когда гласная стоит перед согласной.

⁸⁸ Указав на то, что некоторые согласные могут удваиваться и потому должны быть записаны в виде заглавной буквы, Грамматик переходит к согласным, чье имя (*be, de* и т. д.) не позволяет отразить их удвоенное произношение. Однако Грамматик понимает, что бывают случаи, когда эти согласные тоже удваиваются (например, в слове *veggja* и во многих других). По правилам Грамматика, назвать такую удвоенную согласную тем же способом, что и единичную, будет нельзя, поэтому он предлагает поменять ее имя и переставить гласную перед удвоенной согласной (не *be, a ebb*).

⁸⁹ Т. е. акустическое. См. введение о понятии *jartein*.

⁹⁰ В трактате транскрипции Грамматика буквально надписаны сверху над буквами, см. [НВ 1972: 232] и на иллюстрации.

Такое ее начертание не надумано и потому, что эта буква есть в греческом языке и называется *каппа* и там означает 20 при счете. Но здесь [в рассуждении] она призвана заменить в нашей речи *.сс.*, подобно тому как другие малые заглавные буквы обозначают две буквы в речи. *.сс.* может также обозначать две сотни в нашем счете, как двойная *с* в латыни. До того как она стала замещать две буквы, она называлась *che*: тогда у нее в имени *e* следовала за *с*. Теперь же она изменилась и пусть *e* предшествует *с* в [ее] наименовании и называется *ecc* — но довольно об этом.

Та *n*, которая стоит непосредственно перед *g* в том же слого, говорится меньше в нос и больше в гортань, чем другие *n*, потому что у такой [*n*] появляется некоторая примесь от *g*. Теперь, по этой причине, я сделаю их соседство дружественным и сделаю из двух букв одну, которую я назову *eng* и стану писать таким образом: *g*. Ей одной я даю то же значение, что и двум другим [вместе], так что все равно, пишешь ли ты *hringr* или *hrigr*, разве что чем меньше букв, тем меньше писать.

Ничего я не переменял ни в начертании, ни в имени *h*, потому как она не может ни увеличиться, ни уменьшиться, ни каким-либо образом измениться при своем звучании.

[Буквы] *x*, *y*, *z*, *&*, [~] — без этих букв в нашей речи при желании можно обойтись, потому что ни одна из них не имеет присущего только ей значения; все они используются вместо тех букв, что уже есть в алфавите: некоторые, как *x* и *z* — вместо двух; *&* и ~ обозначают порой сразу несколько [букв], а некоторые, как *y* и подчас ~ — одну.

[Буква] *x* — эта буква состоит в латыни из *с* и *s*, и я хочу, чтобы она имела такие же слагаемые в нашем языке и [чтобы] ни в коем разе не была заглавной буквой, так как *x* никогда не ставится вместо двух *с* или двух *s* — ни в начале предложения, ни в начале слова, ни в начале слога.

[Буква] *y* — греческая и зовется *и́и*⁹⁶ [в греческом алфавите], а латиняне ее используют вместо *i* и, если пишут с пониманием дела, то только в греческих словах. Поэтому она не нужна здесь, в нашем языке — разве что если человек захочет использовать ее вместо *и*⁹⁷ тогда, когда она ставится рядом с другой гласной или вместо согласной. Но все же я бы воздержался от ее использования, так как не вижу большей надобности в этой *и*, чем в других гласных в случаях, когда они ставятся вместо согласных.

[Буква] *z* складывается из еврейской *далет*, которая пишется так: ז и стоит вместо *d*, и из другой, которая называется *саде* и пишется так: צ, и в латыни стоит вместо *s*. Вообще, сама по себе *z* буква еврейская, хотя она используется в латинском алфавите, потому что еврейские слова часто попадают в латыни. Эту [букву] я бы, пожалуй, изгнал из нашей речи и алфавита, ибо в них и без того по необходимости оказывается больше букв, чем мне бы хотелось. В тех немногих случаях, когда [это] нужно, я скорее напишу *d* и *s*, ибо она [z] в нашей речи всегда составлена из *d* и *s* и никогда — из *d* и *s*⁹⁸.

& — это, скорее, слог, чем буква. В латыни [в нем] сочетаются *e* и *t*, в нашей же речи — *e* и *p*, если нужно было бы [его образовать]. Но я менее всего хотел бы иметь его в нашей речи и алфавите, потому что этот слог в нашей речи никогда не оказывается в таком положении, чтобы он был сам по себе и никакая согласная не стояла перед *e* в том же слого.

⁹⁶ В рукописи *vi*. *Y* в греческих заимствованиях в латыни XII в. произносилась как [i], ср. *dyalogus* [Holtzmark 1936: 41–42; Кузьменко 1985: 81]. Название *vi* для *y*, данное в рукописи, имеет параллель в древнеанглийской традиции (*iu*); Анне Хольтсмарк проследила ее упоминания как *ii* с Григория Турского, который тоже ссылается на греческие буквы [Holtzmark 1936: 68–70]. О двух *y* в Трактате см. прим. 56.

⁹⁷ В рукописи *v*.

⁹⁸ Очевидно испорченный текст, см. прим. Хрейна Бенедиктссона [НВ 1972: 239–240]. Возможно, вместо второго *d* должно быть *p* (*ds* и *ps* уже совпали ко времени самых ранних рукописей, т. е. к сер. XII в.), либо *t* (совпадение *ds* и *ts* происходит уже во 2-й пол. XII в.).

Хотя титло по природе [— это также] не буква, оно — скорости письма и краткости ради — ставится взамен разных других букв. Порою — вместо одной, а временами — нескольких. Ставлю я его чаще всего вместо *t* или подчас вместо *n* или взамен слога *er* — тогда он имеет такое начертание: ʃ. Не могу дать лучшего совета, чем этот малый: пусть всякий пользуется титлом, как сочтет уместным и понятным. Имя, которым обладает титло, впрочем, кое-что значит, хотя и нельзя это его значение опознать по имени, как у других букв. *Tutan* называется солнце, откуда получается то уменьшительное имя, которое есть *titulus* по-латыни. Мы говорим *tumlo* — [это] то, что подобно маленькому солнцу, ибо как солнце освещает там, где ранее было темно, так и титло освещает книгу, ежели написано в начале ее, либо слово, ежели над ним поставлено⁹⁹.

Ту букву, которую большинство называют *þorn*, я скорее назову *the*, поскольку в лубой речи звучанием этой буквы является то, что остается от ее имени, когда из него изъята гласная — так же, как я упорядочил все согласные по принципу, который описал здесь ранее в разговоре о них. Букве *þ* следует стоять в алфавите перед титлом, хоть я и обсуждаю ее после него, так как она появилась в алфавите позднее всего. Но [я говорил] о титле сперва потому, что оно было раньше в алфавите, и я в своей речи расположил его за теми [буквами], что, подобно титлу, не имеют своего собственного значения. *The* я не делаю заглавной ни в каких случаях, кроме начала предложения, так как её звучание не продлевается, даже если стоит после гласной в слоге.

И еще: пусть я очень вкратце и говорил о написании заглавных букв (тех, что должны быть одна за две), я не назову неверно или плохо написанным, если кто все-таки и напишет эти две буквы не заглавными. Тем не менее, я скорее предпочту написать одну букву там, где одинаково сгодятся что одна буква, что две, того ради, чтобы написанное, как я уже сказал, было меньше и короче, а пергамен вмещал больше.

Не знаю, впрочем, что делать, если на беду случится так, что явится некто и возразит следующее: «Там, где ты пишешь одну заглавную букву, — скажет он, коли сочтет разумным, — или две одинаковые согласные, соединенные¹⁰⁰ в одном и том же слоге, как у тебя тут сказано, там не буду я писать ни две согласные, ни одну заглавную для увеличения звучания буквы, ни равным образом ту, что не заглавная, для умаления [звучания]. Я, пожалуй, буду писать всегда одно и то же — не заглавную букву, кроме как в начале предложения, и произносить так долго или так кратко каждую, как я решил до этого. Да и какая мне разница даже если я произнесу все [буквы] одинаково долго!»

«Что мне еще остается, — сказал¹⁰¹ я, — кроме как показать ему столь явные примеры тех разграничений (*grein*), которых он не понимал прежде, дабы тогда он осознал, что вот-вот станет поздно опровергнуть самого себя и опередить [тем самым] тех, кто в противном случае высмеют его и скажут, мол, был бы умнее, кабы промолчал». Вот те примеры, что сразу нашлись под рукой, но [станут] чуть яснее, [будучи] потом помещены в речь и истолкованы: *ube ube secr secr hodo hodo afarar afarar þagat þagat ql ql frame frame uina uina crapa crapa hvær hvær fúf fús sceót sceót*.

U be — это два имени для двух букв, а *Uve*¹⁰² — это одно имя одного мужа. *Беглый (Seçr)* — это человек вне закона, а *мешок (seçr)* — вместилище. *Высокая умерла (Hø do)*¹⁰³ —

⁹⁹ В своей этимологии слова «титло» (*titull*) Грамматик следует современной ему грамматической традиции [Holtsmark 1936: 79; Кузьменко 1985б: 87], см. введение, раздел «Источники и параллели».

¹⁰⁰ О терминах, которые Грамматик использует, говоря об образовании слогов, см. обсуждение понятия *samstafa* во введении. [Там... тут сказано] в ориг.: *þar sem þú rittr hofuðstaf einn, kveðr hann, ef hann reðr þat, eða samhljóðendr tvá eins konar samfelda í einni ok inni sǫmu samstofu, segir þú...*

¹⁰¹ Переход на прошедшее время выдерживаем вслед за оригиналом: *Hvat þá skal at hafa, kvað ek...*

¹⁰² *Ubbi*.

¹⁰³ *Há do*.

когда троллиха Хёльги¹⁰⁴ умерла, а [языг] услышали *котельных цепей* (*hǫrðo*) — когда Тор взялся за котел. Всякому лучше *замолчать* (*þagat*)¹⁰⁵, пока другой не *принудил к молчанию* (*þagat*)¹⁰⁶. Не *всё* (*örl*) *пиво* (*örl*) одинаково. Больше считается *слава* (*frame*) кормчего, чем тех, кто на палубе *спереди* (*frame*). Тот большой *друг* (*uína*) богу, кто больше других желает *усердствовать* (*uína*). Часто в церковь бредут сквозь *мокрый снег* (*stara*), пусть туда и *труден* (*stara*) путь. Каждой (*hver*) жене и *каждому* (*hver*) мужу следовало бы *желать* (*fíf*) того же, что *желанно* (*fús*) богу. Тогда они будут *скоры* (*sceót*)¹⁰⁷ на добрые дела и *вскоре* (*sceót*) получают божью милость.

Теперь о том человеке, который хочет писать или понимать написанное на нашем языке — будь то священные сочинения, или законы, или родословия. Он всегда сможет почерпнуть из книги пользу и научиться чему-то, если проявит разумную скромность в своей любви к знанию и предпочтет постичь хоть немного, нежели не узнать вовсе ничего на своем пути к большему знанию¹⁰⁸. Пусть он тогда внимательно читает и улучшает эти главы, как потребуется во многих местах, и оценит мои усилия, но простит мою немелость — пусть он владеет этим алфавитом¹⁰⁹, что был изложен выше, пока не найдет тот, который понравится ему больше.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Dahlerup, Jónsson 1886 — *Den første og anden grammatiske afhandling i Snorres Edda*. Utg. af V. Dahlerup og Finnur Jónsson. København: S. L. Møllers Bogtrykkeri (Møller & Thomsen), 1886.
- Edda 1852 — *Edda Snorra Sturlusonar. Edda Snorronis Sturlæi*. T. II. Hafniae: J. D. Quist, 1852.
- FGT 2014 — *The Fourth Grammatical Treatise*. Ed. by M. Clunies Ross, J. Wellendorf. London: University College London, 2014.
- Finnur Jónsson 1924 — *Edda Snorra Sturlusonar. Codex Wormianus AM 242 fol.* Udg. af Finnur Jónsson. København: Gyldendals, 1924.
- FGA 2002 — *Första grammatiska avhandlingen: svensk översättning med isländsk parallelltext*. Utg. av K. Jóhannesson, M. Lagervall, och K. Lundkvist. Göteborg: Univ., Institutionen för svenska språket, 2002.
- Haugen 1950 — Haugen E. First Grammatical Treatise. The earliest Germanic phonology: An edition, translation, and commentary. *Language*, 1950, 26(4): 4–64.
- HB 1972 — Hreinn Benediktsson. *The First Grammatical Treatise: Introduction, text, notes translation, vocabulary, facsimiles*. Reykjavik: Institute of Nordic Linguistics, 1972.
- Htt 2007 — Snorri Sturluson. *Edda: Háttatal*. Ed. by A. Faulkes. London: University College London, 2007.
- ÍF VI — *Íslensk fornrit. Vestfirðinga sögur*. Björn K. Þórólfsson og Guðni Jónsson gáfu út. *Bd. VI*. Reykjavik: Hið íslenska fornritafélag, 1943.

¹⁰⁴ Хёльги — легендарный конунг Халогаланда, получившего по нему имя. У него была дочь Торгерд, которую называли *Hǫlgabrúðr* (букв. «невеста», но скорее просто «дева» Хёльги), а иногда *Hǫlgatroll* (т. е. троллиха Хёльги). См. [Skpm 1998: 60; SkP 3: 727].

¹⁰⁵ От глагола *þegja*.

¹⁰⁶ От глагола *þagga*.

¹⁰⁷ В этой паре имеются в виду слова *skjót* и *skjött*.

¹⁰⁸ [Теперь... к большему знанию] — этот фрагмент был в оригинале единым периодом, сложным для понимания. В переводе он для удобства чтения и сохранения смысла перестроен. Ориг.: *Nú um þann mann, er ríta vill eða nema at váru máli ritit, annat tveggja helgar þýðingar eða lóg eð[a] áttvísi eða svá hvergi er maðr vill skynsamliga nytsemi á bók nema eð[a] kenna, enda sé hann svá lítillátr í fróðleikásáttinni, at hann vili nema lítla skynsemi heldr en engva, þá er á meðal verðr innar meiri*.

¹⁰⁹ В оригинале сказано *hafi stafróf þetta* (букв. «имеет этот алфавит»). Хотя Грамматик пишет здесь только об алфавите, вероятно подразумевается и совокупность всех предложенных им орфографических нововведений.

- ÍF VIII — *Íslenzk fornrit. Vatnsdoela saga, Hallfredar saga, Kormáks saga*. Einar Ól. Sveinsson gaf út. Bd. VIII. Reykjavík: Hið íslenzka fornritafélag, 1939.
- IGL 1884 — *Islands grammatiske litteratur i middelalderen: Den tredje og fjerde grammatiske afhandling i Snorres Edda: tilligemed de grammatiske afhandlingers prolog og to andre tillæg*. Udg. af B. M. Ólsen. København: Fr. G. Knudtzon, 1884.
- Leoni 1975 — *Il primo trattato grammaticale islandese, introduzione, testo, traduzione e commento a cura di Federico Albano Leoni*. Bologna: Il Mulino, 1975.
- Morkinskinna 2000 — *Morkinskinna. The earliest Icelandic chronicle of the Norwegian kings (1030–1157)*. Transl. with introduction and notes by T. M. Andersson, K. E. Gade. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2000.
- Neckel, Niedner 1925 — Neckel G., Niedner F. *Die jüngere Edda mit dem sogenannten ersten grammatischen Traktat*. Jena: Diederichs, 1925.
- Raschellá 1982 — *The so-called Second Grammatical Treatise: An orthographic pattern of late thirteenth-century Icelandic*. Ed., transl., and comm. by F. Raschellá. Firenze: F. Le Monnier, 1982.
- SkP 1 — *Skaldic poetry of the Scandinavian Middle Ages*. Vol. 1: *Poetry from the Kings' Sagas 1*. Ed. by D. Whaley. Turnhout: Brepols, 2012.
- SkP 2 — *Skaldic poetry of the Scandinavian Middle Ages*. Vol. 2: *Poetry from the Kings' Sagas 2*. Ed. by K. E. Gade. Turnhout: Brepols, 2009.
- SkP 3 — *Skaldic poetry of the Scandinavian Middle Ages*. Vol. 3: *Poetry from treatises on poetics*. Ed. by K. E. Gade and E. Marold. Turnhout: Brepols, 2017.
- Skpm 1998 — Snorri Sturluson. *Edda: Skáldskaparmál 1: Introduction, text and notes*. Ed. by A. Faulkes. London: University College London, 1998.
- TGT 1927 — Óláfr Þórðarson. *Málhljóða- og málskrúðsrit. Grammatisk-retorisk afhandling*. Udg. af Finnur Jónsson. København: A. F. Høst, 1927.
- Uppsala Edda 2012 — Snorri Sturluson. *The Uppsala Edda*. DG 11 4to. Ed. by Heimir Pálsson. Transl. by A. Faulkes. London: University College London, 2012.
- Völs 1965 — *Völsunga saga*. Ed. and transl. by R. G. Finch. London; Edinburgh: Nelson, 1965.
- Катон 1981 — Дионисий Катон. Моральные дистихи. Пер. Е. М. Штаерман. *Вестник древней истории*, 1981, 4(158): 227–234.
- О письменах 1981 — Сказание черноризца Храбра «О письменах». *Сказания о начале славянской письменности*. Королюк В. Д. (отв. ред.), Флоря Б. Н. (вступ. статья, пер. и комм.). М.: Наука, 1981, 102–105.
- Эдда 1970 — Snorri Sturluson. *Младшая Эдда*. Пер. О. А. Смирницкой. М.: Наука, 1970.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Волконская 2015 — Волконская М. А. «Ормулум» и «Первый грамматический трактат»: об особенностях «островных» реформ орфографии в Англии и Исландии. *Атлантика XII. Образ острова в языке и культуре кельтов и германцев*. М.: МАКС Пресс, 2015, 77–98. [Volkonskaya M. A. Ormulum and the First Grammatical Treatise: Specific traits of 'insular' orthographical reforms in England and Iceland. *Atlantika XII. Obraz ostrova v yazyke i kul'ture kel'tov i germantsev*. Moscow: MAKS Press, 2015, 77–98.]
- Гуревич, Матюшина 1999 — Гуревич Е. А., Матюшина И. Г. *Поэзия скальдов*. М.: РГГУ, 1999. [Gurevich E. A., Matyushina I. G. *Poeziya skal'dov* [Skaldic poetry]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 1999.]
- Джаксон 1993 — Джаксон Т. Н. Школы и центры учености в Исландии в первые века христианства. *Европейская педагогика от античности до нового времени: исследования и материалы*. Ч. I. Безрогов В. Г. (отв. ред.). М.: ИТПиМНО РАО, 1993, 218–227. [Dzhakson T. N. Schools and scholarly centers in Iceland in the first centuries of Christianity. *Evropeiskaya pedagogika ot antichnosti do novogo vremeni: issledovaniya i materialy*. Part 1. Bezrogov V. G. (ed.). Moscow: Institute of Theoretical Pedagogy and International Studies in Education, 1993, 218–227.]
- Кузьменко 1985а — Кузьменко Ю. К. Появление письменности в Средневековой Европе. *История лингвистических учений. Средневековая Европа*. Десницкая А. В., Кацнельсон С. Д. (отв. ред.). Л.: Наука, 1985, 11–55. [Kuz'menko Yu. K. Emergence of literacy in Medieval Europe. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii. Srednevekovaya Evropa*. Desnitskaya A. V., Katsnel'son S. D. (eds.). Leningrad: Nauka, 1985, 11–55.]

- Кузьменко 1985б — Кузьменко Ю. К. Средневековые исландские грамматические трактаты. *История лингвистических учений. Средневековая Европа*. Десницкая А. В., Кацнельсон С. Д. (отв. ред.). Л.: Наука, 1985, 77–97. [Kuz'menko Yu. K. Medieval Icelandic grammatical treatises. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii. Srednevekovaya Evropa*. Desnitskaya A. V., Katsnel'son S. D. (eds.). Leningrad: Nauka, 1985, 77–97.]
- Кузьменко 2011 — Кузьменко Ю. К. К вопросу об авторе Первого исландского грамматического трактата. *Laurea Loraе. Сб. памяти Ларисы Георгиевны Степановой*. Гардзонно Ст., Казанский Н. Н., Левинтон Г. А. (отв. ред.). СПб.: Нестор-История, 2011, 117–136. [Kuz'menko Yu. K. On the author of the First Icelandic Grammatical Treatise. *Laurea Loraе. Sbornik pamyati Larisy Georgievny Stepanovoi*. Garzonio St., Kazansky N. N., Levinton G. A. (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011, 117–136.]
- Кузьменко 2013 — Кузьменко Ю. К. Еще раз к вопросу о минимальных парах в Первом Грамматическом Трактате. *Атлантика. Записки по исторической поэтике*. Вып. XI. Михайлова Т. А. (отв. ред.). М.: Изд-во Московского ун-та, 2013, 7–23. [Kuz'menko Yu. K. Once again on minimal pairs in the First Grammatical Treatise. *Atlantika. Zapiski po istoricheskoi poetike*. No. XI. Mikhailova T. A. (ed.). Moscow: Moscow Univ. Press, 2013, 7–23.]
- Мельникова 2016 — Мельникова Е. А. Генеалогия и начала исландско-норвежского историописания. *Древнейшие государства Восточной Европы, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья*. Беляев Д. Д., Гимон Т. В. (отв. ред.). М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016, 464–526. [Mel'nikova E. A. Genealogy and the origins of Icelandic-Norwegian historiography. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 2013 god: Zarozhdenie istoriopisaniya v obshchestvakh Drevnosti i Srednevekov'ya*. Belyaev D. D., Gimon T. V. (eds.). Moscow: Dmitry Pozharsky Univ., 2016, 464–526.]
- Смирницкая 2008 (1982) — Смирницкая О. А. Поэтика и лингвистика скальдов. *Избранные статьи по германской филологии*. Смирницкая О. А. М.: МАКС Пресс, 2008, 219–230. Впервые опубликовано в журнале *Вестник Московского ун-та. Сер. 9: Филология*, 1982, 2: 34–42. [Smirnitskaya O. A. The skalds' poetics and linguistics. *Izbrannye stat'i po germanskoi filologii*. Smirnitskaya O. A. М.: МАКС Пресс, 2008, 219–230.]
- Смирницкая 2008 (1994) — Смирницкая О. А. Литературное сознание исландцев XII–XIII вв. и проблема становления жанровых форм. *Избранные статьи по германской филологии*. Смирницкая О. А. М.: МАКС Пресс, 2008, 362–385. Впервые опубликовано в сб. *Проблема жанров в литературе средневековья*. М.: Наследие, 1994, 171–233. [Smirnitskaya O. A. Literary consciousness of Icelandic people in the 12th–13th centuries and the problem of the genesis of genre forms. *Izbrannye stat'i po germanskoi filologii*. Smirnitskaya O. A. М.: МАКС Пресс, 2008, 362–385.]
- Стеблин-Каменский 1979 — Стеблин-Каменский М. И. Скальдическая поэзия. *Поэзия скальдов*. Петров С. В., Стеблин-Каменский М. И. (ред.). Л.: Наука, 1979, 77–130. [Steblin-Kamenskii M. I. Skaldic poetry. *Poeziya skaldov*. Petrov S. V., Steblin-Kamenskii M. I. (eds.). Leningrad: Nauka, 1979, 77–130.]
- Трубецкой 2000 (1960) — Трубецкой Н. С. *Основы фонологии*. Пер. с нем. М.: Аспект пресс, 2000. (1-е изд. — М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1960.) [Trubetzkoy N. S. *Grundzüge der Phonologie*. Prague, 1939. Transl. into Russian.]
- Успенский 2014 — Успенский Ф. Б. Злободневность прошлого: Генеалогический перечень как манифестация авторства. *Люди, тексты и вещи: Из истории культуры средневековой Скандинавии*. Успенский Ф. Б. М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014, 70–98. [Uspenskii F. B. Topicality of the past: Genealogical list as an authorship manifestation. *Lyudi, teksty i veshchi: Iz istorii kul'tury srednevekovoi Skandinavii*. Uspenskii F. B. Moscow: FORUM; NEOLIT, 2014, 70–98.]
- ANG — Noreen A. *Altnordische Grammatik I: Altisländische und altnorwegische Grammatik (Laut- und Flexionslehre) unter Berücksichtigung des Urnordischen*. Halle: Max Niemeyer, 1923.
- Cleasby — Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. *An Icelandic–English dictionary*. Oxford: Clarendon Press, 1874–1957.
- Faulkes 1993 — Faulkes A. The sources of Skáldskaparmál: Snorri's intellectual background. *Snorri Sturluson. Kolloquium anlässlich der 750. Wiederkehr seines Todestages*. Wolf A. (Hg.). Tübingen: Gunter Narr, 1993, 59–76.
- Gade 1995 — Gade K. E. *The structure of Old Norse "Dróttkvætt" poetry*. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1995.
- Hagland 2000 — Hagland J. R. "Alls vér erum einnar tungu" — igjen: Språkhistorisk realitet eller litterært topos? *Íslenskt mál og almenn málfræði*, 2000, 22: 107–112.
- Haugen 1976 — Haugen E. *The Scandinavian languages: An introduction to their history*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1976.

- HB 1965 — Hreinn Benediktsson. *Early Icelandic script*. Reykjavík: Manuscript Institute of Iceland, 1965.
- HB 2002 — Hreinn Benediktsson. The vowel system of Icelandic: A survey of its history. *Linguistic studies, historical and comparative*. Hreinn Benediktsson. Reykjavík: Institute of Linguistics, 2002, 50–74.
- Holtmark 1936 — Holtmark A. *En islandisk scholasticus fra det 12 århundre*. Oslo: J. Dybwad, 1936.
- Jesch 2001 — Jesch J. *Ships and men in the Late Viking Age. The vocabulary of runic inscriptions and skaldic verse*. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2001.
- Jesch 2009 — Jesch J. The Orcadian links of Snorra Edda. *Snorres Edda i europeisk og islandsk kultur*. Jørgensen J. G. (ed.). Reykholst: Snorrastofa, 2009, 145–172.
- Johansson 1997 — Johansson K. G. *Studier i Codex Wormianus: Skrifitradition ogch avskriftsverksamhet vid ett isländsk skriptorium under 1300-talet*. Göteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 1997.
- Koerner 1997 — Koerner E. F. K. Einar Haugen as a historian of linguistics. *American Journal of Germanic Linguistics and Literatures*, 1997, 9: 221–238.
- Males 2020 — Males M. *The poetic genesis of Old Icelandic literature*. Berlin: De Gruyter, 2020.
- Males 2013 — Males M. Wormianusredaktören: Språk, tro och sanning vid 1300-talets mitt. *Arkiv för nordisk filologi*, 2013, 128: 41–78.
- Nordal 2001 — Guðrún Nordal. *Tools of literacy. The role of skaldic verse in Icelandic textual culture of the twelfth and thirteenth centuries*. Toronto: Univ. of Toronto Press, 2001.
- Olsen 1937 — Olsen M. Den förste grammatiske avhandling. Til kommentaren og om forfatteren. *Arkiv för nordisk filologi*, 1937, 53: 109–146.
- Patzuk-Russell 2021 — Patzuk-Russell R. *The development of education and grammatica in medieval Iceland*. Berlin: De Gruyter, 2021.
- Perridon 1985 — Perridon H. Neutralization, archiphonemes and the First Grammatical Treatise. *Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik*, 1985, 23: 71–96.
- Poole 2001 — Poole R. (ed.). *Skaldsagas: Text, vocation, and desire in the Icelandic sagas of poets*. Berlin: De Gruyter, 2001.
- Raschellà 1983 — Raschellà F. D. Die altisländische grammatische Literatur: Forschungsstand und Perspektiven zukünftiger Untersuchungen. *Göttingische gelehrte Anzeigen*, 1983, 235: 271–316.
- Raschellà 2007 — Raschellà F. D. Old Icelandic grammatical literature: The last two decades of research (1983–2005). *Learning and understanding in the Old Norse World. Essays in honor of Margaret Clunies Ross*. Quinn J., Heslop K., Wills T. (eds.). Turnhout: Brepols, 2007, 341–375.
- Seim 1988 — Seim K. F. A review of the runic material. *Bryggen Papers. Supplementary series 2*. Herteig A. (ed.). Bergen: Norwegian Univ. Press, 1988, 10–24.
- Stanley 2011 — Stanley E. G. Old English -REORD-: ‘language, speech; speak’; REORDBEREND(E). *Neuphilologische Mitteilungen*, 2011, 112: 9–36.
- Sverrir Tómasson 2002 — Sverrir Tómasson. The history of Old Nordic manuscripts I: Old Icelandic. *The Nordic languages. An international handbook of the history of the North Germanic languages*. Vol. 1. Berlin: De Gruyter, 2002, 793–801.
- Sverrir Tómasson 1988 — Sverrir Tómasson. Fyrsta málfraeðiritgerðin og íslensk menntun á 12. öld. *Timarit Háskóla Íslands*, 1988, 3: 71–78.
- Ulvestad 1976 — Ulvestad B. *Grein sú er máli skiptir: Tools and tradition in the First Grammatical Treatise*. *Historiographia Linguistica*, 1976, 3(2): 203–223.

Получено / received 14.12.2022

Принято / accepted 24.01.2023